

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 5

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годѣ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 4-го февраля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Февраль 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Февраль 1912 г. съ 37 рис. и отдѣльн. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 12 рис. выжиганія по дереву.

Золотая паутина.

Повѣсть В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

IX.

Колесо завертѣлось: утромъ служба въ полусонномъ состояніи, съ непривѣтрившимся еще вчерашнимъ хмелемъ, и сортировка то подметокъ, то свиного сала, то солдатскихъ башлыковъ, при чемъ все это дѣлалось какъ-то необычайно быстро, ловко, умѣло, и Ефремовъ чувствовалъ, что все они понимаютъ, что дѣлаютъ, за исключеніемъ одного его. Впрочемъ, и онъ сумѣлъ бы все это понять — не велика мудрость! — если бы только вчера не засидѣлся такъ поздно въ ресторанѣ... или у Живицкаго за картами... или въ клубѣ... Дрожащей рукой — дрожащей не отъ одного похмелья, но и отъ какого-то стыда передъ самимъ собой — подписывалъ Ефремовъ бумаги и, уходя со службы, корилъ самъ себя:

— Вотъ спать подписалъ... А что подписалъ — хорошенько и не знаю!

И онъ удивлялся Живицкому, который, несмотря на почти такую же жизнь, всегда отлично былъ осведомленъ во всехъ дѣлахъ, зналъ, что называется, каждый тринчикъ и если ужъ что подписывалъ, то ужъ навѣрное съ полнымъ сознаниемъ. Впрочемъ, Живицкій почти ничего не пилъ... Ну, а вотъ капитанъ Взлезковъ... Этотъ и пить чуть ли не больше другихъ, а съ какимъ спокойствіемъ и увѣренностью выводилъ онъ свой красивый росчеркъ!

Странный человѣкъ этотъ Взлезковъ! Почти никогда, ничего и

Г. Башинджаганъ. Зимнее утро.

ни съ кѣмъ не говоритъ, а только „саркастически“ и „загадочно“ улыбается, какъ будто онъ знаетъ что-то такое, что другимъ неизвѣстно. А если ужъ скажетъ что-нибудь, то непременно какой-нибудь афоризмъ или парадоксъ, котораго сразу и не поймешь. Да иногда не поймешь и подумавши. Молчаливо участвуетъ онъ во всѣхъ пирушкахъ и развлеченіяхъ; безмолвно присутствуетъ при всѣхъ приемкахъ и сдачахъ; саркастически улыбаясь, подписываетъ подкладываемыя ему бумаги; всегда въ одномъ состояніи: ни трезвъ ни пьянъ... Говорятъ, что хотя онъ и не женатъ, но на рукахъ у него громадная семья какихъ-то братьевъ, сестеръ, племянниковъ и племянницъ. Служить Взлезковъ давно, но подвигается по службѣ медленно и не ропщетъ... Странный человѣкъ!

Со службы Ефремовъ обыкновенно отпрашивается къ старшей своей дочкѣ, Танечкѣ. По дорогѣ покупаетъ ей какую-нибудь игрушку или лакомство. У Полевиныхъ ей хорошо, но тѣмъ не менѣе ребенокъ страшно тоскуетъ по матери и сестрахъ. Ее приходится обманывать и говорить:

— Вотъ скоро-скоро, Танечка!

А гдѣ тамъ скоро? Болѣзнь течетъ своимъ медленнымъ, убійственнымъ ходомъ. Бюллетени, доставляемые швейцаромъ, неизмѣнно сообщаютъ, что то Лялечкѣ, то Мусинкѣ хуже.

Отъ Танечки Ефремовъ идетъ обѣдать, чаще всего къ Живицкимъ, гдѣ они обѣдаютъ вчетверомъ, „по семейному“. То онъ обѣдаетъ вдвоемъ съ Вѣрой у себя въ гостиницѣ „Савойя“...

Странныя отношенія у него сложились съ этой женщиной. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе привязывается къ ней и съ каждымъ днемъ онъ чувствуетъ, что власть ея надъ нимъ становится неотразимой. Прежде всего онъ ей благодаренъ. Что бы онъ сталъ дѣлать одинъ, разлученный съ семьей, если бы не было возлѣ него этой такъ наполняющей его жизнь женщины. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, какое это разнообразное существо! То веселая, кутящая барынька, то вдругъ грустно задумчивая женщина; то человѣкъ съ душой нараспашку, поражающая своей откровенностью; то дѣловитая особа себѣ на умѣ, ведущая серьезные разговоры съ разными дѣльцами въ родѣ Ханшіева или Патрикова. Все въ ней есть, уже не говоря о красотѣ, передъ которой всѣ окружающіе благоговѣнно преклоняются. Т.-е. все это такъ кажется Ефремову; на самомъ дѣлѣ это, можетъ-быть, и далеко не такъ...

Послѣ обѣда Ефремовъ уже смотритъ въ глаза Вѣрѣ Андреевнѣ и ждетъ ея распоряженій.

— Сегодня мы въ театрѣ,—говоритъ она.

И онъ надѣваетъ соотвѣтствующую форму.

Или—въ клубѣ; или на скэтингъ-ринкѣ... или у Живицкихъ...

И онъ радъ, что онъ будетъ съ нею, будетъ слышать ея голосъ... Ахъ, какимъ приятнымъ сталъ онъ казаться ему теперь!..

Но бываютъ вечера, когда Вѣра говоритъ ему:

— Сегодня я васъ отпускаю. У меня дѣловое посѣщеніе.

Или:

— Я ѣду въ незнакомый для васъ домъ.

Или—просто:

— Хочу побыть одна.

Въ такіе вечера Ефремовъ самъ не свой. Сначала онъ благо-разумно рѣшаетъ привести въ порядокъ запущенныя дѣла,—ахъ, какъ они теперь запущены!—запирается у себя въ номерѣ и принимается за работу. Но работа не идетъ на ладъ. Сначала ему мѣшаетъ мысль о томъ, что дѣлается у него дома, какъ больныя дѣтки? Какъ бѣдная жена, передъ которой онъ почему-то чувствуетъ себя уже виноватымъ? Потомъ выступаютъ соображенія денежнаго характера. Деньги плывутъ, какъ вода! Триста рублей, взятые у Живицкаго, уже испарились. Выданное ему жалованье впередъ и новое пособіе—уже на исходѣ! Эта жизнь въ ресторанахъ, театрахъ и клубахъ; жизнь съ семьей на три квартиры; льщеніе дѣтей—все это, какъ бездонная бочка... А впереди—никакихъ источниковъ. Откуда онъ возьметъ? Какъ вывернется?

И эти мысли терзаютъ ему сердце. Какая ужъ тутъ работа? Онъ, какъ звѣрь въ клеткѣ, ходитъ по своему номеру, теребитъ свою рѣденькую бородавку, до боли ломаетъ себѣ пальцы, готовъ плакать...

А тутъ еще капля яду: гдѣ теперь Вѣра? Съ кѣмъ она? Что дѣлаетъ?

Изъ темнаго угла комнаты начинаетъ выглядывать „чудовище съ зелеными глазами“—ревность...

И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ къ нему въ комнату поступался вахтеръ Потрашинъ.

Окончивъ обычный докладъ и получивъ какіе-то ордера, Потрашинъ вдругъ замялся у двери.

— Что еще?—спросилъ Ефремовъ.

— Тутъ съ вами одинъ... человѣкъ... желаетъ познакомиться,—заговорилъ Потрашинъ, глядя куда-то въ сторону.

— Какой еще человѣкъ?

— Купецъ Глутягинъ.

— Какъ?—не разслышалъ Ефремовъ.

— Глутягинъ, ваше в-діе,—повторилъ вахтеръ.

— Странная фамилія!

— Такъ точно, ваше в-діе,—купецъ! Только надо прямо сказать, ваше в-діе, человѣкъ стыдливый и божественный.

Ефремовъ улыбнулся. Онъ уже привыкъ къ разнымъ характеристикамъ Потрашина.

— Что же ему, этому божественному человѣку, нужно?

— Познакомиться желаетъ и поговорить.

— О чемъ?

— Очень много, говоритъ, вамъ интереснаго по службѣ сообщить можетъ. Такъ что вы, говоритъ, передъ другими можете большое отличіе получить. „Я, говоритъ, для господина капитана такое дѣло укажу, за которое его начальство не только поблагодаритъ, но и даже повыситъ, потому—въ отличку“.

— Такъ почему же это онъ ко мнѣ обратился, а не къ другимъ?

— А потому, что, говоритъ, „знаемъ мы господина капитана Ефремова, какъ человѣка праведнаго и справедливаго. А потому и желаемъ ему услужить, за его, значить, доброту и честность“.

— Вздоръ какой-нибудь!—слегка конфузясь отъ этихъ похвалъ, буркнулъ Ефремовъ.

— Не могу знать, ваше в-діе! Только что Глутягинъ этотъ—обстоятельный человѣкъ... зря слова не скажетъ...

— Ну, что жъ! Пусть зайдетъ завтра на службу.

Потрашинъ замялся:

— Этого, ваше в-діе, онъ никакъ не можетъ! Потому что у насъ его всѣ знаютъ. Сейчасъ приставать начнутъ,—что, да почему? И подозрѣніе сдѣлаютъ, слѣдить начнутъ...

— Да какъ же я съ нимъ поговорю?

— А вотъ онъ такъ говорилъ, ваше в-діе, что если вы не откажете, такъ завтра бы вы... со службы... въ Алексѣевскую гостиницу, значить, какъ бы пообѣдать... зашли. А онъ ужъ тамъ будетъ... вотъ бы и поговорили...

— Да я его въ лицо не знаю!

— Да онъ-то васъ чудесно знаетъ, ваше в-діе!

Ефремовъ немного подумалъ и—согласился.

Х.

На другой день Вѣра прислала записку Ефремову: „До свиданья на два дня. Уѣзжаю въ имѣнье однихъ знакомыхъ. Ведите себя панькой. Будьте умницей. Цѣлую васъ въ лобикъ.“

— Баронесса уже уѣхала?—спросилъ онъ у швейцара, отправляясь на службу.

— Такъ точно. Къ девятичасовому поѣзду изволили отбыть на автомобилѣ.

— Одна?

— Никакъ нѣтъ-съ. Съ господиномъ Ханшіевымъ.

Ефремовъ вздрогнулъ. Онъ слышалъ, что у Ханшіева верстахъ въ шестидесяти отъ города было большое имѣние съ роскошной усадьбой, недавно прибрѣтенное имъ у одного разорившагося князя.

„Значить, Вѣра поѣхала туда,—думалъ онъ, ѣдучи на службу:—съ Ханшіевымъ! Можетъ-быть, вдвоемъ... Что же это значить?“

И онъ чувствовалъ, какъ мучительно сжимается его сердце. И ему хотѣлось броситься туда, вслѣдъ за ними, и...

Но какое же онъ имѣетъ на это право? Развѣ Вѣра не говорила ему сотни разъ, что дружба только хороша тогда, когда друзья идутъ рядомъ, а не пересѣкаютъ другъ другу дороги?

— Да-а... но съ ея стороны только дружба, а съ моей...—онъ не договорилъ: спазма стиснула ему горло.

На службѣ онъ былъ разсѣянъ, сдѣлалъ нѣсколько досадныхъ

ошибокъ, ждалъ Живицкаго, чтобы выпытать у него, куда и зачѣмъ уѣхала Вѣра, но Живицкій, какъ на зло, не явился.

Въ пять часовъ, собравъ свой портфель, онъ двинулся къ выходу, намѣреваясь отправиться по обыкновению навѣстить Таню. На лѣстницѣ съ нимъ встрѣтился Потрашинъ и какъ бы вскользь замѣтилъ:

— Купецъ этотъ самый, ваше в-дѣе, васъ ждуть въ Алексѣевской гостиницѣ.

Ефремовъ рѣшилъ навѣстить Таню послѣ обѣда и поѣхалъ въ Алексѣевскую.

Раздѣвшись въ швейцарской, Ефремовъ, протирая очки, медленно, шагъ за шагомъ, поднимался по широкой, устланной ковромъ, лѣстницѣ. Сверху, изъ общей залы, до него доносились полные и густые звуки большого органа, игравшаго увертюру изъ „Руслана и Людмилы“. Большой стеклянный резервуаръ съ мутноватой водой, освѣщаемый электрическими лампочками, биткомъ набитый разной живой рыбой, привлекъ его вниманіе на верхней площадкѣ. Ефремовъ приостановился, надѣлъ очки и сталъ задумчиво разсматривать рыбу.

Онъ какъ будто и забылъ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, въ эту большую, чисто-купецкую гостиницу, славящуюся своей хорошей кухней.

— Въ кабинетикъ, ваше в-дѣе, пожалуйста! Въ кабинетикъ!—раздался сзади него тихій голосъ.

Ефремовъ обернулся.

Приземистый, плотный человѣкъ, въ застегнутомъ на все пуговицы черномъ сюртукѣ, стоялъ передъ нимъ и искательно улыбался. Лицо у него было круглое, красное, потное. Борода полусѣдая, довольно коротко подстриженная. Маленькіе, что называется—свинные, глазки смотрѣли съ лукавой привѣтливостью.

— Въ кабинетикъ, говорю, ваше в-дѣе! — повторилъ онъ, отвѣсивъ коротенькіе поклоны.

— Что жъ, можно и въ кабинетъ,—согласился Ефремовъ, принимая краснолицаго человѣка за управляющаго рестораномъ.

Два половыхъ въ бѣлыхъ рубахахъ сорвались со своихъ мѣсть и побѣжали впередъ по коридору.

— Вотъ сюда пожалуйста!—сказалъ краснолицый, указывая на распахнутую дверь, возлѣ которой замерли половые.

Ефремовъ вошелъ въ большой кабинетъ съ громоздкой, обитой темнокраснымъ плюшемъ, мебелью.

Передъ диваномъ стоялъ столъ, хорошо сервированный на два прибора. Возлѣ стѣны стоялъ другой столъ, гораздо большихъ размѣровъ, весь до излишества заставленный водками и закусками. На немъ лежали цѣлые балыки, цѣлая семга, большой окорокъ вестфальской ветчины, громадная жестянка свѣжей икры во льду, разныя соленья, маринады, селедки, колбасы...

„Одними этими закусками досыта могутъ наѣсться пятьдесятъ человѣкъ“,—подумалъ Ефремовъ и, улыбувшись, посмотрѣлъ на краснолицаго человѣка, продолжавшаго отвѣшивать свои коротенькіе поклоны.

— Позвольте вамъ представиться! — улыбаясь и конфузясь, заговорилъ вдругъ тотъ.—Купецъ первой гильдіи—Никонъ Глутягинъ.

Ефремовъ растерялся.

— Ахъ, виноватъ! А я, знаете, виноватъ... принялъ-было васъ...—началь-было онъ.

Но въ-время оборвавшись, протянулъ купцу руку.

— Благодарю за честь! Благодарю за честь! — забормоталъ тотъ, почтительно принимая руку Ефремова въ обѣ свои пухлыя, какъ подушки, и волосатыя руки.—Благодарю за честь! Милости прошу! Откушать водочки-съ! И закусить-съ!

„Это, значитъ, онъ меня угощаетъ...—мелькнуло въ головѣ у Ефремова.—Ну, да шалишь! Я свою долю заплачу! Хотя...—И онъ окинулъ опять глазами столъ съ закусками.—Сколько же тутъ заплатить придется?“

— Однакоже и наставили тутъ разнаго! Вѣдь это на цѣлую роту хватить!—уже вслухъ проговорилъ онъ, берясь за бутылку съ англійской горькой.

— Помилуйте-съ! — засуетился Глутягинъ.—Для такого почетнаго гостя-съ все это пустяки-съ!

— А вамъ налить? — почему-то не переставая улыбаться, спросилъ Ефремовъ.

— Если удостоите-съ!

И купецъ подставилъ рюмку.

А Ефремовъ чуть не расхохотался отъ этихъ словъ.

— Удостою! Удостою!—шутилъ онъ, замѣчая, какъ трясется у него рука.

„Эка нервы-то расходились!“—мелькнуло у него въ головѣ.

Выпили. И закусили балыкомъ. Потомъ выпили по второй. А затѣмъ уже купецъ и самъ налилъ по третьей.

— Не довольно ли?—спросилъ Ефремовъ.

— Помилуйте-съ! Богъ трицу любить!

И, наложивъ полное блюдечко свѣжей икры, подалъ Ефремову.

— Бѣлужья-съ! — проговорилъ онъ при этомъ.

Ефремовъ почувствовалъ, что онъ серьезно голоденъ, и икра съ горячимъ калачомъ показалась ему необычайно вкусной.

Выпили и по четвертой.

— Безъ четырехъ угловъ изба не становится, — приговаривалъ купецъ и порекомендовалъ закусить „сѣмужкой“.

— Двина настоящая-съ! Какъ сливки! — причмокивалъ онъ.

И опять взялся за бутылку.

— Безъ пяти — нѣтъ пути! — началъ-было онъ свою притяску.

Но Ефремовъ сказалъ:

— Баста!

И рѣшительно отошелъ отъ закусочнаго стола.

— Пожалуйте на диванчикъ! — хлопоталъ возлѣ него Глутягинъ.

„Почему же это онъ меня такъ угощаетъ? Мнѣ же хочется оказать какую-то услугу и меня же угощаетъ? — думалъ Ефремовъ, развертывая туго накрахмаленную салфетку.—Ну, и служба же наша! Держи востро!“—вздохнулъ онъ мысленно.

Въ кабинетъ въ это время безшумно впорхнули два бѣлыхъ половыхъ. Одинъ держалъ въ рукахъ большую никелевую кастрюлю съ ароматно дымящейся селянкой изъ рыбы; другой на блюдѣ несъ два аппетитно подрумяненныхъ московскихъ разстега.

— Подъ селяночку еще бы рюмочку!

Ефремовъ только отрицательно покачалъ головой.

— Тогда ужъ мадерки позвольте-съ!

И Глутягинъ, не дожидаясь разрѣшенія, налилъ изъ какой-то темной, пузатой бутылки двѣ большія рюмки янтарно-красной мадеры.

— Ну, и селянка! Ну, и разстегаи! Я, знаете, къ ѣдѣ довольно равнодушенъ, но—что хорошо, то хорошо!—говорилъ Ефремовъ, обжигаясь горячей селянкой.

— Н-да-съ! Здѣсь недурно подаютъ! — поддакивалъ Глутягинъ.—А вы вотъ мадерки, мадерки-то откушайте! Она вкусъ освѣжаетъ!

И мадера была вкусная и крѣпкая.

— Ну, а, собственно говоря, о чемъ же вы хотѣли со мной побесѣдовать?—заговорилъ Ефремовъ и добавилъ:—Никодимъ?.. Простите, я не слышалъ... ваше имя отчество?

— Никонъ Павловичъ,—поправилъ его Глутягинъ и весело засмѣялся.

— Побесѣдовать-то опосля! А ежели теперь—то разстегаи остынутъ... Мадерку, мадерку-то не обижайте! Очень ужъ она къ разстегаю да къ селянкѣ приспособлена. Подъ самый вкусъ!

— Что вѣрно, то вѣрно!—согласился Ефремовъ, выпивая уже вторую рюмку.—Но и крѣпка же, должно-быть!

— Сущіе пустяки-съ! Дѣтское пойло!

Но Ефремовъ уже чувствовалъ, какъ у него отъ этого „дѣтскаго пойла“ голова стала кружиться, и рѣшилъ:

„Еще рюмку выпью и—баста!“

— Ну, вотъ я и сытъ совсѣмъ!—проговорилъ онъ, отодвигая тарелку.

Половые быстро, какъ вѣтромъ, смели со стола лишнюю посуду, и намѣсто селянки и разстега на столѣ уже стояло блюдо съ жирными телячьими почками на вертелѣ.

— Слово вы мой вкусъ угадали! — заговорилъ Ефремовъ, разрѣзая почку и смазывая ее сливочнымъ масломъ, протертымъ съ петрушкой и укропомъ.

— Благородный вкусъ всегда угадать можно, — хихикалъ Глутягинъ.

И. Ижакевичъ. Апостоль Тимоеей проповѣдуетъ въ Ефесѣ.

А. Мерритъ. „Миръ вамъ“.

А половые въ это время изъ завернутой въ салфетку бутылки наливали въ большія стопочки весело искрящееся, словно смѣющееся, вино.

— Это чтò жь такое? — спросилъ Ефремовъ.

— Русскій квасъ! — убѣдительно отвѣтилъ купецъ.

— Какой квасъ! Да это шампанское!

— Названье только одно! А то квасъ, какъ квасъ! — отмахнулся Глутягинъ и, приподнявъ стопочку, сказалъ: — За ваше здоровье! Со свиданіемъ-съ!

Чокнулись. Холодное вино пріятно освѣжило Ефремова. Нервы у него успокоились, и онъ вдругъ повеселѣлъ.

— А вы премилый человѣкъ! — заговорилъ онъ, трепля Глутягина по пухлой рукѣ. — Простой, русскій и такой, знаете, весь нараспашку! Съ такимъ человѣкомъ пріятно и дѣло вести! Ей-Богу! Я люблю такихъ людей!

Глутягинъ только улыбался и отвѣшивалъ свои коротенькіе поклоны.

Ефремову казалось, что онъ и свѣжъ и бодръ, а если языкъ у него немножко свертывается, такъ это потому, что селянка и разстеганъ—вещи тяжелыя. А выпеть онъ вотъ еще стопочку—и все какъ рукой сниметъ. И о дѣлѣ они поговорятъ... И еще какъ поговорятъ-то!

Зорко слѣдилъ Глутягинъ за стопкой Ефремова и ни на минуту не давалъ ей оставаться пустой.

За почками подали бекасовъ. Но Ефремовъ былъ уже сытъ и только слегка похрустѣлъ косточками.

— Ну, а будемъ говорить о дѣлѣ? — настойчиво потребовалъ онъ.

— Чтò жь, извольте-съ! — согласился Глутягинъ и началъ: — Дѣло наше само простое. Подрядъ у насъ, какъ вамъ, можетъ-быть, небезызвѣстно. Только... мы не такъ, какъ другіе-съ... Мы всегда по-божески-съ!..

— Знаю! Знаю! — расхохотался Ефремовъ. — Мнѣ и Потрашинъ говорилъ, что вы человѣкъ „божественный и щекотливый“... Нѣтъ, не щекотливый... а стыдливый, кажется... Или — щекотливый?.. Ну, да все равно!.. Давайте выпьемъ!

— Все единственно! — согласился Глутягинъ и, взявъ изъ рукъ полового свѣже-откупоренную бутылку, налилъ стопочки.

— А вы знаете, я на-дняхъ повышеніе получаю! — вдругъ расхвастался Ефремовъ. — Да, да! Капитана Живицкаго производятъ въ подполковники, и онъ переходитъ въ помощники къ полковнику Пазухину... А я, значить, на него... на его мѣсто...

— Вотъ какъ-съ? — дѣлая удивленное лицо и даже слегка приподнимаясь со стула, проговорилъ Глутягинъ. — Не зналъ-съ! Первый разъ слышу-съ! — говорилъ онъ, еще раньше самого Ефремова знавшій эту новость. — Чтò же-съ, ваше в-дѣе, Василій Алексѣвичъ, позвольте васъ отъ души поздравить!

— Спасибо! Спасибо!..

— ...отъ души, говорю, поздравить и порадоваться! Потому что намъ всемъ честные и благородные люди на такихъ мѣстахъ нужны! Ахъ, какъ нужны! Прямо надо сказать, для отечества нужны! Вотъ чтò! Отъ души поздравляю!

И они чокнулись, выпили и... даже поцѣловались.

— Спасибо... спасибо! — говорилъ растроганный Ефремовъ. — Мнѣ тоже... очень это... кстати! Я благородный человѣкъ... конечно... И не такъ... наслѣдствъ не получаю... А у меня трое больныхъ дѣтей... то-есть двое больныхъ, а... а... одна здоровая... И жена тоже... А жалованье... на цѣлыхъ восемьдесятъ два рубля пятьдесятъ копеекъ я больше буду получать... Это, какъ хочешь, братъ, а подспорье!.. Это, братъ, не баранъ начихалъ... Безъ малаго—тысяча рублей въ годъ... А доктора говорятъ, что мнѣ теперь дѣтей за границу нужно отправить... что здѣсь они не оправятся... вотъ она, тысяча-то рублей, и пригодится... Спасибо, голубчикъ, за сочувствіе...

И они опять поцѣловались. И опять выпили.

И Ефремовъ еще больше растрогался. И у него даже слезы навернулись, когда онъ сталъ рассказывать, какая у него прекрасная жена и прелестныя дѣти.

Потомъ Глутягинъ сталъ ему доказывать, что тысячу рублей эту онъ можетъ хоть сейчасъ достать и дѣтей за границу отправить. Потомъ вышло какъ-то такъ, что если Глутягинъ ему эту тысячу рублей дастъ, такъ что онъ, Глутягинъ, на этомъ еще

рублей шестьдесятъ нажать можетъ. Только чтобъ Ефремовъ взялъ.

— Ну, чтò жь, наживай! — добродушно соглашался Ефремовъ. — Все равно въ банкъ ли проценты платить... тебѣ ли... все равно... Лучше тебѣ...

И Глутягинъ вынулъ изъ кармана десять новенькихъ сто-рублевыхъ бумажекъ и самъ засунулъ ихъ во внутренній боковой карманъ Ефремова.

— Дай, расписку дамъ! — настаивалъ Ефремовъ.

— Полно, миляга! Никакой расписки не надо! Чтò жь ты мнѣ не довѣряешь, что ли, что непременно расписку давать? Я тебя люблю и довѣряю, а ты мнѣ не довѣряешь?

И они обнялись и крѣпко расцѣловались. И оба очень повеселѣли.

И тутъ началось ужъ что-то совсѣмъ несуразное: каминъ почему-то затопить велѣли. Кофе стоялъ на столѣ, ликеры. Какая-то дама въ большой шляпкѣ на роялѣ матшинъ играла, а другая въ шляпкѣ, еще большаго размѣра, пѣла что-то такое и приплясывала.

„Откуда эти дамы появились? — охваченный угарнымъ туманомъ, спрашивалъ себя Ефремовъ. — Все ихъ не было, не было— и вдругъ появились!“

Потомъ вдругъ, раскачавшись, всталъ, выпилъ чего-то изъ рюмки и заявилъ, что онъ тоже пѣть будетъ, и затянулъ неестественнымъ голосомъ сначала: „Не бѣлы снѣги“, а потомъ вдругъ: „Тарарабумбіо“.

А каминъ, между тѣмъ, выкидывалъ престранныя штуки: то онъ горѣлъ на одной стѣнѣ, то на другой... И съ дамами происходило странное что-то: то ихъ дѣлалось шесть, и все одинаковыя, и все приплясывали и играли на роялѣ; а то—опять двѣ, и тогда становилось скучнѣе. И огоньки на люстрѣ горѣли не кружочками, а полосками, длинными-длинными, вокругъ всей комнаты... И полоски эти все куда-то бѣжали... и то разгорались, то тускнѣли... И когда тускнѣли, становилось скучно, и кто-то его цѣловалъ... И онъ становился на колѣни... и онъ сидѣлъ на полу... И ему все хотѣлось лечь... Наконецъ онъ не вытерпѣлъ, легъ и... заснулъ.

XI.

Охваченный тупымъ ужасомъ, проснулся Ефремовъ.

„Чтò? Чтò я надѣлалъ? — повторялъ онъ про себя, боясь пошевелиться на своей кровати. — Чтò я надѣлалъ?“

И въ его головѣ замелькала красная рожа Глутягина, разстеганъ, пляшущія женщины, пляшущій каминъ... и самъ онъ, пьяный, безобразный... Но все это ничто по сравненію съ тѣмъ, что онъ взялъ деньги... Деньги! Цѣлую тысячу рублей!.. Вѣдь это же взятка! Взятка! Самая подлая взятка!..

„Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ сейчасъ же отошлетъ эту тысячу обратно Глутягину и будетъ съ нимъ при пріемкѣ особенно строгъ... Да, да! Лиходателя надо карать такъ же жестоко, какъ и лихоимцевъ. Это еще и на курсахъ говорили... Надо только узнать адресъ Глутягина... Потрашинъ знаетъ... Вызвать Потрашина... И этому мерзавцу надо шкуру спустить... Дьяволь-искуситель“...

Ефремовъ сдѣлалъ усиліе и поднялся съ кровати. Онъ добрѣе до письменнаго стола и первымъ дѣломъ освидѣтельствовалъ кошелекъ. Тамъ было всего сорокъ пять копеекъ мелочью. Затѣмъ развернулъ бумажникъ. Въ немъ лежала одна трехрублевая бумажка...

У Ефремова зашевелились волосы на головѣ. Онъ бросился къ сюртуку и въ одномъ изъ боковыхъ кармановъ нащупалъ пачку кредитныхъ билетовъ, вынулъ—все сторублевки, новенькія. Дрожащими пальцами сталъ пересчитывать: восемьсотъ!..

Опять захолонуло сердце у Ефремова, и онъ принялся снова пересчитывать. Восемьсотъ и—ничего больше!

„Чтò же это такое? Гдѣ же еще двѣсти?... Была вѣдь тысяча... ровно тысяча... Гдѣ же двѣсти?“

Онъ помнитъ, что давалъ на чай прислугѣ, провожалъ на автомобиль бывшихъ съ нимъ дамъ... или онѣ его провожали? „Да!—вдругъ испуганно вспомнилъ онъ.—Я вѣдь имъ по сту рублей подарилъ!.. Да, да! Еще тамъ, въ кабинетѣ, на коврѣ“...

И Ефремовъ уронилъ голову на руки.

„Чтò же дѣлать теперь? Деньги Глутягину вернуть необходимо... А откуда взять двѣсти?... Откуда?“

Онъ позвонилъ и вошедшему официанту приказалъ подать сифонъ сельтерской воды.

— Полковникъ Живицкій справлялись по телефону два раза: проснулись ли вы?—доложилъ официантъ.

— А который часъ?—спросилъ Ефремовъ.

— Да скоро—два.

— Такъ скажите, пожалуйста... позвоните къ полковнику... и скажите, что я проснулся и черезъ часъ буду у него.

Официантъ вышелъ.

„Признаюсь во всемъ Живицкому и попрошу выручить меня! Господи! Сколько я ему теперь уже долженъ! Вѣра Андреевна тоже предлагала денегъ... Нѣтъ, нѣтъ! У нея я ни за что не возьму! Это ужъ позоръ!“

Вошелъ официантъ и подаль сифонъ. На подносѣ лежалъ длинный листъ бумаги.

— Это чтò такое?

— Счетъ-съ. Сегодня суббота.

— Ефремовъ взялъ въ руки счетъ и взглянулъ на итогъ.

— Однако! Сто восемьдесятъ два рубля! — проговорилъ онъ.

— Впередъ за полмѣсяца за комнату-съ. У насъ вѣдь кто помѣсячно живетъ—впередъ платитъ-съ. Обыкновенно даже за мѣсяць-съ... Съ васъ только велѣно за двѣ недѣли.

— А если я двухъ недѣль у васъ еще не проживу?

Официантъ улыбнулся.

— Контора вамъ возвратитъ-съ,—сказалъ онъ.

Ефремовъ отдѣлилъ машинально изъ пачки еще двѣ сторублевья бумажки и положилъ ихъ на подносъ. Официантъ вышелъ.

Глубокій и какой-то безнадежный вздохъ вырвался изъ груди Ефремова.

„А какъ дѣти? — вдругъ вспомнилъ онъ.—У меня со вчерашняго дня никакихъ извѣстій оттуда нѣтъ... Господи! Какъ бы это устроить, чтобы съ Люсей повидаться... Покаяться ей во всемъ“...

Онъ взялъ листокъ почтовой бумаги и началъ-было писать письмо женѣ, но рука его дрожала до такой степени, что онъ не могъ вывести ни одной буквы.

„Да! А дѣтей надо отправить за границу... Это говорилъ ему докторъ, который ихъ лѣчитъ, и съ которымъ онъ видѣлся третьяго дня. Въ какой-то австрійскій зимній курортъ.... „Иначе, говорить, у нихъ можетъ развиться острое малокровіе... Да и женѣ, говорить, необходимо отдохнуть, а то и она свалиться можетъ...“ А онъ вотъ пьянствуетъ... даритъ какимъ-то тварямъ по сту рублей... А они тамъ вотъ, въ жалкой, бѣдной квартиркѣ, безъ воздуха... заброшенные...“

Ефремовъ не замѣчалъ, какъ крупныя слезы текутъ у него изъ глазъ.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите!—отозвался Ефремовъ.

Вошелъ Живицкій. На плечахъ его весело сверкали новенькіе полковничьи погоны, но лицо его было серьезно и дѣловито.

Ефремовъ страшно растерялся: онъ былъ въ одномъ бѣльѣ.

— Ничего, ничего, я не барышня!—остановилъ его Живицкій, когда онъ заметался по комнатѣ.

— Зачѣмъ вы безпокоились, Викторъ Адамовичъ? Я самъ сейчасъ хотѣлъ къ вамъ пріѣхать.

— Некогда мнѣ было, голубчикъ, ждать! Сегодня долженъ рѣшиться вопросъ: кого назначить моимъ замѣстителемъ? Васъ или капитана Взлезкова?

— Развѣ этотъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ?

— Почти. Но вчера Пазухинъ что-то опять заупрямился... Впрочемъ, онъ все предоставилъ моему личному выбору...

Живицкій сдѣлалъ большую паузу.

Ефремовъ испуганно смотрѣлъ въ его холодные, спокойные глаза.

— Да... моему усмотрѣнію, — повторилъ еще разъ Живицкій.—И я вотъ пріѣхалъ поговорить съ вами.

„Онъ узналъ о моемъ вчерашнемъ дебошѣ, и мое назначеніе, значитъ, полетитъ къ чорту!“ — думалъ Ефремовъ, кутаясь въ сдернутое съ кровати одѣяло.

— Дѣло въ томъ, Василий Алексѣевичъ, — продолжалъ Живицкій, постукивая отточеннымъ ногтемъ по никелевому подносу, на которомъ стоялъ сифонъ сельтерской воды: — дѣло въ томъ,

что я назову своимъ замѣстителемъ только такого человѣка, на котораго я всецѣло могу положиться.

— Развѣ вы сомнѣваетесь?..—началь-было Ефремовъ.

— Въ васъ, какъ въ порядочномъ человѣкѣ, Василий Алексѣевичъ, я ни капли не сомнѣваюсь. Но какъ въ человѣкѣ дѣловомъ...

— Если вы имѣете въ виду вчерашнее мое...—началь-было опять Ефремовъ.

— Ничего вчерашняго я знать не хочу и не знаю, — опять перебилъ его Живицкій. — Меня интересуетъ не вчерашнее, а завтрашнее. Вы человѣкъ еще малоопытный; въ нашемъ вѣдомствѣ еще очень недавно; предварительные курсы, которые вы прошли, для дѣла не имѣютъ почти никакого значенія. Тутъ все дѣло въ практикѣ и въ извѣстнаго рода смѣтливости. Однимъ словомъ, я буду кратокъ: если вы мнѣ дадите честное и благородное слово дворянина и офицера, что во всемъ, въ каждомъ дѣлѣ, въ каждомъ шагѣ вы будете вполне со мною откровенны...

— О, конечно!

— Поймите! Поймите! Это далеко не все... и будете точно, не подвергая никакой критики, не впадая ни въ какія сомнѣнія, не считаясь ни съ какими вашими убѣжденіями, исполнять каждое мое распоряженіе, каждое указаніе, угадывать даже малѣйшіе намеки... Однимъ словомъ: на старомъ мѣстѣ остаюсь я. Вы же будете на немъ только моимъ alter ego. Вы понимаете меня?

— Понимаю,—грустно проговорилъ Ефремовъ.

— Такъ вотъ видите: капитанъ Взлезковъ, человѣкъ, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, обремененный очень большой семьей, готовъ съ завязанными глазами ухватиться за это мѣсто. Но мнѣ онъ не такъ симпатиченъ, какъ вы, и я предпочелъ бы это мѣсто передать вамъ... Подумайте. Вы, можетъ-быть, скажете, что это кабала? Да. Но кабала, во-первыхъ, выгодная, а во-вторыхъ, не очень ужъ надолго. Я на моемъ новомъ мѣстѣ останусь не болѣе года. Меня ждетъ другое, высшее назначеніе. И тогда вы сдѣлаетесь уже совершенно самостоятельнымъ человѣкомъ, такъ сказать, полнымъ хозяиномъ вашихъ поступковъ. Ну, а за этотъ годъ вы подъ моимъ руководствомъ пріобрѣтете хорошую практику. Подумайте и... дайте отвѣтъ.

— Чтò жъ тутъ думать?—все ниже и ниже опуская голову, заговорилъ Ефремовъ.—Для меня нѣтъ другого выбора. У меня тоже — семья... А матеріальное мое положеніе такъ запуталось, что хоть... въ петлю... Я согласенъ, Викторъ Адамовичъ!

— А вы понимаете, что вашими словами вы наносите мнѣ оскорбленіе?—холодно проговорилъ Живицкій.

Ефремовъ испугался.

— Я... вамъ... оскорбленіе? — заговорилъ онъ, поднимаясь даже съ мѣста.—Викторъ Адамовичъ, ради Бога!.. Я не имѣлъ въ виду... Я хотѣлъ только сказать... что надо было бы быть дуракомъ или олухомъ, чтобы отказаться отъ такого лестнаго предложенія, которое вы мнѣ дѣлаете... А въ виду семьи моей... и нужды... Это было бы даже преступно... по отношенію къ семьѣ... то-есть отказаться... Я васъ такъ глубоко... уважаю, Викторъ Адамовичъ... и цѣню... Ваши наставленія... распоряженія... для меня такъ дороги... что изъ-за какой-нибудь фанаберіи... то-есть я хочу сказать, самолюбія, что ли... Я не мальчикъ вѣдь... Мнѣ вѣдь тоже служить надо... карьеру дѣлать... Я не знаю прямо, какъ васъ благодарить, а не то что... говорить вамъ что-нибудь обидное... Ради Бога, Викторъ Адамовичъ, вы простите, если что... сорвалось...

И какъ разъ въ это время глаза Ефремова упали на зеркальный шкапъ, стоявшій въ углу номера. И въ зеркалѣ его онъ увидѣлъ отраженіе двухъ фигуръ: одну—спокойную, почти величественную, съ красивыми выхоленными усами, въ щегольскомъ сюртукѣ, съ новыми полковничьими погонами, снисходительно и покровительственно посматривавшую на другую, топтающуюся передъ ней, фигуру, въ туфляхъ на босу ногу, завернутую въ синее съ красной каемкой байковое одѣяло, съ разстегнутой на груди рубашкой.

Что-то унижительное было въ этомъ сопоставленіи, что-то жалкое...

И Ефремовъ торопливо отвелъ глаза и еще ниже опустил голову.

Р. Кнэтель. Битва при Эйлау.

— Ну, въ такомъ случаѣ мѣсто безповоротно за вами!—уже благодушнымъ голосомъ проговорилъ Живицкій и поднялся-было съ кресла.

— Позвольте, Викторъ Адамовичъ! Я долженъ покаяться вамъ въ одномъ грѣхѣ,—остановилъ его Ефремовъ.

Живицкій опять сдѣлалъ серьезное лицо и снова опустился въ кресло.

— Дѣло въ томъ,—заговорилъ Ефремовъ подсаживаясь къ столу:—дѣло въ томъ, что вчера... я...

И Ефремовъ началъ волнуясь, конфузясь и сбиваясь подробно рассказывать о своихъ вчерашнихъ похожденияхъ.

Краснѣя и заикаясь, рассказалъ онъ и о тысячахъ рублей, которую ему сунуль въ карманъ Глутягинъ, и о женщинахъ, которымъ онъ, Ефремовъ, зачѣмъ-то подарилъ двѣ сотни, а главное—что онъ не знаетъ совершенно, какъ ему теперь вывернуться изъ этого отвратительнаго положенія.

— Вы понимаете... напился я, какъ свинья! — казнилъ себя Ефремовъ. — До потери облика человѣческаго... А сегодня тутъ еще вотъ счетъ подали... Положительно не знаю, что дѣлать?... Викторъ Адамовичъ! Голубчикъ! Будьте отцомъ-благодѣтелемъ! Посоветуйте, какъ поступить? какъ вывернуться изъ этого гнуснаго положенія? Я ужъ не говорю о томъ, что мнѣ дѣтей за границу отправлять надо... Прямо голова кругомъ идетъ!...

Живицкій снова всталъ съ мѣста и началъ застегивать перчатку. Подъ пышными усами его играла веселая улыбка.

— Я знаю этого Глутягина, — почти добродушно заговорилъ онъ. — У него большой подрядъ у насъ. А шельма онъ сверхъестественная. Патриковъ говоритъ про него, что онъ, смотря по обстоятельствамъ: иногда прикидывается *Глутягинимъ*, а иногда откровенно становится—*Плутягинимъ*. А какъ поступить съ нимъ, я васъ сейчасъ научу. Вызовите-ка вы его завтра же къ себѣ въ правленіе, къ себѣ въ кабинетъ, да и скажите ему съ глазу на глазъ, что онъ, голубчикъ, сильно обсчитался и не додалъ вамъ четырехъ тысячъ... Повѣрьте, онъ ихъ немедленно же изъ кармана вынетъ! И изъ этихъ четырехъ тысячъ — три тысячи завтра же передадите мнѣ, а тысячу рублей это—вашимъ дѣтямъ на поѣздку за границу. Что? Не ожидали? Опѣшили? Ну, да ничего! Пословица недаромъ говоритъ: „первую пѣсенку зардѣвшись спѣть“... А дальше—какъ по маслу пойдетъ!.. Ну, до свиданья, родной мой! У меня еще дѣла выше головы! Сегодня ужъ вы отдохните, да какъ слѣдуетъ за дѣло принимайтесь!

— И Живицкій, крѣпко пожавъ Ефремову руку, бодро, повязывая шпорами, вышелъ въ коридоръ.

— Первую... пѣсенку... Первую пѣсенку зардѣвшись... зардѣвшись...—машинально зашепталъ Ефремовъ и потомъ, схватившись руками за голову, бессильно опустился на стулъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Хамаль Гассанъ.

Очеркъ изъ персидской жизни Н. Соловкина.

(Окончаніе).

XIII.

Гассанъ былъ отличнымъ пловцомъ и поэтому не потерялъ присутствія духа. Сильный, увѣренный взмахъ рукъ — и онъ былъ около киржима. Чьи-то пальцы судорожно вцѣпились въ ногу Гассана, и онъ съ ужасомъ почувствовалъ, какъ ужасная сила потянула его въ темныя глубины моря, но черезъ мгновение пальцы разжались, и чье-то тѣло грузно пошло ко дну.

Ухватившись за бортъ, Гассанъ перевелъ духъ и вскарабкался на днище перевернутаго киржима, крѣпко цѣпляясь за болты, чтобы не быть смытымъ волной. Ему нужно было употребить большія усилія, чтобы держаться на плоскомъ днищѣ.

Въ одно изъ мгновеній, когда киржимъ опустился съ гребня высокой волны, Гассанъ увидѣлъ, что рядомъ плыветъ какой-то темный, продолговатый предметъ.

Быстрые, зоркіе глаза Гассана различили неясныя очертанія человѣческой фигуры. Гибнущій человѣкъ дѣлалъ послѣднія слабыя усилія, чтобы удержаться на поверхности воды.

Гассанъ не долго раздумывалъ. Крѣпко ухватившись одной рукой за желѣзный болтъ, торчащій изъ бортовой обшивки киржима, нагнулся надъ водой и ждалъ, когда бурунь доброситъ до него свою жертву.

Снова набѣжалъ огромный пѣнящійся валъ, и тонущій человекъ очутился около киржима. Для Гассана было дѣломъ одной минуты втащить его къ себѣ на днище.

Пока длилась эта борьба человека съ моремъ за жизнь другого человека, киржимъ плылъ уже спокойно, миновавъ буруны, подгоняемый волнами и вѣтромъ къ берегу.

XIV.

Длиныя дрожащія полосы слабыхъ, змѣистыхъ отблесковъ, отбрасываемыхъ береговыми огнями, легли на воду. При этомъ блѣдномъ свѣтѣ Гассанъ увидѣлъ, что передъ нимъ лежитъ молодая женщина, въ красивомъ платьѣ, плотно облегавшемъ ея стройное, гибкое тѣло. Она лежала, какъ мертвая, съ закрытыми глазами. Изъ красиво очерченныхъ поблѣднѣвшихъ губъ стекала струйкой вода.

— Аллах-Акбаръ... Ханумъ ¹⁾ умерла,—испуганно прошепталъ Гассанъ и вспомнилъ, что видѣлъ, какъ она волновалась при спускѣ въ киржимъ, какъ ее успокаивалъ самъ командиръ... — Гдѣ же остальные люди?... Черезъ день ихъ найдутъ на берегу... Море не беретъ своихъ жертвъ. Оно выбрасываетъ ихъ на этотъ плоскій песчаный берегъ—обезображенными, распухшими трупами, съ изуродованными, разбитыми въ безформенную массу, лицами.

Однако держаться вдвоемъ на днищѣ разбитой лодки стало труднѣе. Гассанъ чувствовалъ, что силы его таютъ, но крѣпко держалъ въ своихъ объятіяхъ молодую ханумъ, словно она была для него самымъ дорогимъ существомъ.

XV.

Сквозь мокрую ткань одежды онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла. Быстрымъ движеніемъ разорвалъ на груди ея платье. Нѣжная бѣлая кожа была тепла. Приложивъ ухо къ груди, Гассанъ услышалъ слабый чистый стукъ сердца.

— Бисмилля... Ханумъ еще дышитъ, — радостно воскликнулъ

онъ.—А я уже думалъ, что Аллахъ взялъ ее къ себѣ на усладу правовѣрныхъ...

У Гассана не было своей ханумъ, но смутное невѣдомое чувство влекло его къ женщинѣ. Видъ женской фигуры, закутанной въ черную чадру и неторопливо передвигавшейся по пыльнымъ и узкимъ улицамъ города, всегда волновалъ его, и часто хотѣлось ему проникнуть пытливымъ взоромъ за эту чадру, мѣшающую видѣть молодое смуглое лицо, черные сверкающіе глаза... Циничныя шутки гребцовъ, амбаловъ, когда, въ часы досуга, они отдыхали за стаканчиками крѣпкаго чая въ грязныхъ чай-чи, разбросанныхъ по базару,—волновали его чувственный мозгъ и жгли воображеніе соблазнительными образами.

Какъ и смрадность его сотоварищей, Гассанъ рано познакомился со смрадными притонами Энзели и нерѣдко былъ участникомъ и свидѣтелемъ самыхъ отвратительныхъ оргій, устраиваемыхъ бездомной туземной гольтьбой въ грязныхъ опиумокурильняхъ на окраинахъ города.

XVI.

Между тѣмъ волны начали бить киржимъ, плывшій все время довольно ровно, о песчаный грунтъ. Буруны остались позади и глухо ревѣли, словно сердца на ускользнувшую добычу. Гассанъ видѣлъ, что еще нѣсколько ударовъ—и отъ ветхой, уже сильно разбитой, лодки останутся однѣ щепы, а тутъ еще съ моря идутъ высокіе валы и перекатываются черезъ голову... А нужно пройти еще съ четверть версты по бушующему морю... Въ тихую погоду это была бы легкая прогулка, но теперь волны будутъ сбивать съ ногъ и, лишь поднимешься, снова валить на песокъ...

Гассанъ раздумывалъ, какъ онъ съ тяжелой ношей пройдетъ къ берегу по кипящему морю... Охъ, будетъ валить его съ ногъ шайтанъ въ своей злобной игрѣ съ правовѣрнымъ.

Посмотрѣлъ на свое голое крѣпкое тѣло и, скользясь взглядомъ по ханумъ, одѣтой въ суконное обмокшее платье, торопливо началъ обрывать крючки и застежки платья, чтобы освободить молодое женское тѣло отъ тяжелой одежды... Не бросить же ее тутъ... Волны разобьютъ это нѣжное, красивое тѣло, которое бѣлѣетъ передъ нимъ на темномъ днищѣ старой лодки... А въ тяжеломъ намокшемъ платьѣ Гассанъ не донесетъ ея до берега.

XVII.

Обнаживъ совершенно молодую женщину, Гассанъ поднялъ ее на плечо и смѣло зашагалъ по бушующему морю. Отъ времени до времени огромная волна съ ревомъ набѣгала на него сзади, точно сильный хищный звѣрь валила на песокъ и силилась вырвать изъ цѣпкихъ рукъ Гассана его драгоценную добычу.

Но Гассанъ не уступалъ безъ боя свою нѣжную ношу. Онъ падалъ, вставалъ и снова, шатаясь, шель впередъ и впередъ къ смутно чернѣвшему вдали пустынному берегу. Все крѣпче впились его судорожно сжатые пальцы въ обнаженное тѣло молодой женщины...

Не помнить Гассанъ, какъ добрался наконецъ до такого мѣста, гдѣ волны уже не достигали его.

Голова кружилась, въ вискахъ стучало, какъ молотомъ, и, словно тяжелый дубъ, срубленный подъ самый корень, Гассанъ рухнулъ на мокрый холодный песокъ вмѣстѣ со своей хрупкой и нѣжной ношей.

¹⁾ Ханумъ—госпожа, женщина.

XVIII.

Когда Гассанъ очнулся, онъ сразу не могъ догадаться, гдѣ находится. Совершенно незнакомая и чуждая обстановка. Какая-то странная большая комната... Чистая кровать, чистое бѣлье... Гассанъ даже и не предполагалъ, что на свѣтѣ можетъ существовать такая чистота въ жилищѣ. Дальше стояли другія кровати, и на нихъ также лежали люди въ такомъ же чистомъ бѣльѣ, какъ и самъ Гассанъ, и въ синихъ халатахъ. Гассанъ понялъ, что лежитъ въ портовой больницѣ.

Онъ видѣлъ часто это небольшое деревянное зданіе, когда ему приходилось на своемъ киржимѣ перевозить доски и камни для строящагося мола, который, какъ жало гигантской змѣи, далеко вытянулся въ море.

Гассанъ вспомнилъ, какъ однажды въ эту больницу попалъ хамаль азербейджанецъ Магеррама, сломавшій себѣ ногу во время работы въ порту. Вспомнилъ отчаянные крики Магеррама и какъ его понесли въ больницу, гдѣ сахибъ-хакимъ ¹⁾, съ русой бородой, въ золотыхъ очкахъ, что-то долго дѣлалъ съ ногой бѣднаго Магеррама. Тотъ черезъ два мѣсяца вышелъ изъ больницы исхудавшій, но только чуть прихрамывая,—совсѣмъ даже незамѣтно, между тѣмъ какъ всѣ говорили, что Магеррама навсегда останется калѣкой.

Гдѣ-то теперь азербейджанецъ Магеррама?.. Говорятъ, онъ посвятилъ себѣ сирету ²⁾... И къ какимъ Святымъ мѣстамъ теперь плетется съ палкой его маленькая фигурка?

XIX.

Въ больницѣ Гассану было хорошо лежать. Непривычная чистота и тишина, царившія въ палатѣ, какъ-то странно дѣйствовали на Гассана, внушая ему невольное уваженіе и къ этимъ стекляннымъ шкапамъ съ таинственными пузырьками и къ страннымъ блестящимъ металлическимъ трубочкамъ, ножамъ, удивительнымъ предметамъ, ослѣпительно сверкавшимъ за стекломъ на бѣлыхъ полочкахъ.

Самъ хакимъ-баши, такой серьезный и важный, каждый день приставлялъ къ широкой груди Гассана тоненькую бѣленькую трубочку и внимательно слушалъ, что дѣлается внутри его большого крѣпкаго тѣла. Гассану становилось страшно, какъ хакимъ можетъ такъ просто и свободно безъ всякихъ заклинаній посредствомъ этой чудодѣйственной трубочки изгонять болѣзнь. По крайней мѣрѣ, больные гилеки ³⁾ шопотомъ говорили, что хакимъ черезъ эту трубочку вытягиваетъ джиновъ, причиняющихъ болѣзнь.

Очень сильно удивило Гассана, что раны здѣсь перевязываются чистыми бѣлыми бинтами, а не просто засыпаются землей, какъ всегда дѣлали онъ и его товарищи, когда получали порѣзы голыхъ ногъ. Съ чувствомъ глубокой вѣры въ чудодѣйственную силу дормана ⁴⁾ онъ нѣсколько разъ въ день принималъ въ ложкѣ какую-то сладковатую жидкость.

Поправился Гассанъ очень быстро и въ одинъ тихій осенній день снова очутился въ пыльныхъ улицахъ Энзели. Еще въ больницѣ Гассанъ узналъ, что, кромѣ него и молодой ханумъ, спасся лишь одинъ гребецъ Абдулла, а остальные всѣ погибли, и море выбрасывало трупы, свои жертвы, цѣлую недѣлю. Спасенная Гассаномъ ханумъ уже уѣхала въ Тегеранъ, гдѣ мужъ ея служилъ управляющимъ въ одной богатой торговой фирмѣ.

XX.

Погруженный въ невеселыя думы, Гассанъ шагаль по базару, разбѣнно отвѣчая на привѣтствія пріятелей. День близился къ закату. Въ узенькихъ переулочкахъ базара царила оживленная суeta.

Торговцы изъ своихъ маленькихъ грязноватыхъ лавчонокъ зывали покупателей. На прилавкахъ, ларяхъ, въ корзинахъ виднѣлись груды гранатъ, апельсиновъ, лимоновъ. Вглубинѣ лавокъ возвышались цѣлыя горы мѣшковъ съ сахаромъ, рисомъ, кипы всевозможной мануфактуры. Подъ ногами шныряли юркіе мальчишки съ чезенгебиномъ ⁵⁾, туземными конфетами и лакомствами на мѣдныхъ подносикахъ и, крича во все горло, расхваливали свой товаръ.

Около чай-чи стоялъ обычный гуль отъ оживленныхъ крикливыхъ бесѣдъ многочисленныхъ посѣтителей, попивавшихъ крѣпкій чай изъ маленькихъ стаканчиковъ. Изъ нѣкоторыхъ чай-чи неслись заунывные звуки восточной мелодіи, и тонкій визгливый голосъ туземнаго пѣвца воспѣвалъ доблести героевъ давно минувшихъ временъ.

Въ пестрой разноязычной толпѣ изрѣдка мелькали боязливыя женскія фигуры въ черныхъ чадрахъ, съ бѣлой сѣткой на лицѣ. Важно перебирая четками, мулла, въ бѣлой чалмѣ, степенно протелькины ⁶⁾, ловко и проворно прятали въ огромные холщевые мѣшки, почернѣвшіе отъ грязи, подаянія правовѣрныхъ мусульманъ.

Гассана потянуло пойти посмотреть могилы людей, которые

¹⁾ Сахибъ-хакимъ—дословно—господинъ докторъ. Говоря объ европейскомъ врачѣ, персы всегда, въ знакъ уваженія къ его познаніямъ, прибавляютъ „Сахибъ“, чего почти никогда не дѣлаютъ по отношенію къ своимъ туземнымъ лѣкарямъ.

²⁾ Сиреть—хождение по Святымъ мѣстамъ.

³⁾ Гилеки—жители Гиляны, провинціи сѣверной Персіи.

⁴⁾ Дорманъ—лѣкарство.

⁵⁾ Чезенгебинъ—персидское лакомство изъ меда и манны.

⁶⁾ Телькины—псалмы.

погибали въ тотъ день и часъ, когда онъ, выбиваясь изъ силъ, боролся съ моремъ за свою жизнь и жизнь далекой и чужой ему женщины, прелестное гибкое тѣло которой такъ покорно отдавалось его сильнымъ рукамъ. Передъ нимъ мелькнуло блѣдное прекрасное лицо, стройныя нѣжныя руки и ноги, которыхъ онъ такъ смѣло и безтрепетно касался, когда срывалъ одежды съ этого бѣлаго красиваго тѣла, и незнакомая острая, щемящая боль пронизала его сознание при внезапно сверкнувшей мысли, что онъ никогда больше не увидитъ прекрасную ханумъ...

XXI.

Гассанъ выбрался наконецъ на пустынную загородную улицу. Узенькая, съ покосившимися камышевыми старыми хижинами, она была жалка, какъ рубище дряхлаго нищаго.

Скоро показался деревянный заборъ, окружавшій обширный участокъ земли, съ высокими стройными деревьями, среди которыхъ бѣлѣли кресты и надгробные памятники.

Странное впечатлѣніе произвелъ на Гассана видъ памятниковъ и крестовъ—чуждыхъ символовъ иной и незнакомой вѣры.

Гассанъ всегда чувствовалъ уваженіе къ кладбищу, какъ мѣсту, гдѣ люди находятъ свои послѣдніе пріюты, но здѣсь все было чуждо и незнакомо ему, и только, когда пришелъ сюда, онъ понялъ, что среди множества возвышавшихся передъ нимъ памятниковъ ему не найти могилъ тѣхъ, кого онъ не зналъ, но чувствовалъ странную связь между ними и собой, и которыхъ видѣлъ одно мгновеніе своей жизни и не увидитъ больше никогда...

...Долго простоялъ Гассанъ на кладбищѣ, погруженный въ непривычныя мысли, а потомъ отправился обратно на базаръ, зашелъ въ знакомую чай-чи и, потягивая изъ стаканчика чай, сталъ размышлять, гдѣ искать работы, такъ какъ его мѣсто у стараго хозяина оказалось уже замѣщеннымъ хорошимъ кормилицомъ...

XXII.

Гассанъ мучительно застоналъ и съ трудомъ перевернулся на спину, глядя передъ собой широко раскрытыми глазами... Эхъ... теріаку бы немного... было бы легче...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ попалъ въ опиумокурильню Мамеда. Это была старая грязная лачуга на окраинѣ города. Содержалъ ее тучный персъ съ заплывшимъ отъ жира лицомъ и съ хитрыми, быстро бѣгающими, глазками.

Туда собирались лодочники, хамали, самая разношерстная туземная голытьба. Здѣсь въ струйкахъ голубого горьковатаго дыма, на грязномъ глиняномъ полу, застланномъ загаженными, смрадными цыновками, они жили другой, чудесной и радостной, жизнью въ неизъяснимо сладостныхъ ощущеніяхъ тонкимъ, неуловимымъ ядомъ, пронизывавшихъ ихъ изможденныхъ, исхудалыхъ тѣла, темнѣвшія въ тускломъ желтоватомъ полусвѣтѣ небольшой керосиновой лампочки.

...Когда Гассанъ въ первый разъ очнулся отъ рѣзкаго окрика хозяина опиумокурильни, грубо трясаго его за плечо, очнулся на запыленномъ, загаженномъ полу, покрытомъ изверженіями другихъ, такихъ же несчастныхъ, существъ, какъ и онъ самъ, онъ понялъ, что нашелъ источникъ высочайшихъ радостей, которыхъ не зналъ до сихъ поръ, и что теріакъ будетъ отнынѣ всегда самымъ яркимъ лучомъ въ его тяжелой, безрадостной жизни раба.

Шатаясь, блѣдный, онъ двигался по базару, и его ничуть не смущало, что мальчишки бросали ему вѣдъ насмѣшливыя восклицанія, а благочестивые купцы, сидя, поджавъ подъ себя ноги, на порогахъ своихъ лавокъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на этого, едва держащагося на ногахъ, оборваннаго „теріакъ-каша“ ¹⁾ и, проводивъ его глазами, снова принимались пухлыми пальцами проворно и ловко считать серебряные краны, сыпая ихъ въ небольшіе полотняные мѣшочки.

XXIII.

Долго шла жизнь Гассана на этой молчаливой, пустынной рѣкѣ... Цѣлый день утомительнаго, изнуряющаго все тѣло, труда... Какъ могъ онъ выдержать годы?.. Въ палящій зной, въ холодъ, бурю, дождь онъ долженъ былъ гребти тяжелыми веслами... Зимой часами простаивать въ холодной водѣ, дрожа всемъ своимъ тощимъ, исхудалымъ и посинѣвшимъ тѣломъ, помогая другимъ гребцамъ стаскивать съ мели тяжелый, перегруженный киржимъ... Долгими часами быстро итти бечевой по топкому, болотистому берегу рѣки... Полчища надоѣдливыхъ комаровъ, москитовъ, мошкаръ облѣпляли все лицо и тѣло во время гребли, и онъ не могъ пошевелить пальцемъ, чтобы согнать ихъ хоть на мгновеніе съ лица... И изо дня въ день, мѣсяцы, годы...

Часто мѣнялись его сожителі въ этой старой, разваливающейся хижинѣ, а онъ оставался одинъ... Уходили хамали въ Астарту, Баку, Астрахань, но его не тянуло куда-то отъ этой привычной, знакомой рѣки, отъ чай-чи Мамеда, отъ трубки теріака.

Мимо него по рѣкѣ ежедневно двигались сотни людей, перевозились безконечныя груды товаровъ, но, равнодушный, онъ шагаль по безрадостной дорогѣ своей жизни, которая была для него жизнью раба.

Много видѣлъ на своемъ вѣку, о чемъ зналъ только онъ самъ да эта молчаливая рѣка...

¹⁾ Теріакъ-кашъ—курильщикъ опиума.

XXIV.

Помнить онъ, какъ урусы начали строить каменную дорогу до Решта... Говорятъ, они потомъ вытянули ее до Тегерана. Много возилъ онъ тогда камня и щебня для этой дороги... Хорошо платили урусы...

Видѣлъ Гассанъ, какъ появились въ странѣ незнакомые чужіе люди въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, съ ногъ до головы обвѣшанные оружіемъ. Всѣ они двигались вглубь страны къ Тегерану.

Говорили, что въ Иранистанѣ большой „шудукъ“¹⁾ идетъ. Смутно и нелѣпо преломлялись въ головѣ Гассана отрывки разговоровъ, которые долетали до него, когда онъ возилъ путниковъ по своей рѣкѣ... Онъ видѣлъ, что идетъ новая жизнь, совершенно не похожая на ту, въ которой родился и къ которой привыкъ.

Многія знатныя лица, которыхъ когда-то онъ перевозилъ съ такимъ подобострастіемъ, бѣжали торопливо въ Энзели и дальше тала ихъ изъ страны, какъ ненужный соръ. Никто не зналъ, что будетъ завтра. Купцы прекращали свои дѣла и ждали, когда наступитъ успокоеніе...

Но Гассанъ былъ спокоенъ. Онъ получалъ свои тридцать шаи²⁾ и жилъ только настоящимъ днемъ, съ его мелкими заботами и тревогами, не думая ни о чемъ другомъ, кромѣ плова, теріака и сна...

XXV.

...А какъ много урусовъ ѣдетъ теперь въ Иранистанъ. Въ прошломъ году они провозили въ Рештѣ много пушекъ и войска... Странное, непонятное время... Что-то будетъ... Говорятъ, что урусы хотятъ Иранистанъ забрать... Ну и что же,—больше заработка будетъ у хамалей... Урусы всегда хорошо платятъ, несравненно больше, чѣмъ свои фарсы.

Гассану вспомнилось, какъ мѣсяца два тому назадъ онъ везъ на киржимѣ молодого уруса съ ханумъ, возвращавшихся изъ Тегерана... Они весело разговаривали, смѣялись. Ханумъ обратила

вниманіе на Гассана и что-то сказала мужу, указывая на Гассана своей маленькой рукой, обтянутой желтой перчаткой, послѣ чего урусъ внимательно и серьезно посмотрѣлъ на хамалю...

И Гассану вдругъ стало стыдно за себя, за свои трясушія руки, грязныя голыя ноги, за все свое, еле прикрытое рванымъ и смраднымъ рубищемъ, изъѣденное экземой, чесоткой, тѣло... Эхъ... теріаку бы немного... Когда же Гассанъ перетащилъ на пристань красивый желтый кожаный чемоданъ уруса, то онъ далъ бѣдному хамалю цѣлый кранъ... шутка ли... цѣлый кранъ!.. Гассанъ долго вертѣлъ въ рукахъ серебряную монету, прежде чѣмъ отправиться къ Мамеду выкурить трубочку теріаку.

XXVI.

Эхъ... много было прожито, а гдѣ же были радости? Кто возьмъ на себя ихъ, оставивъ Гассану лишь тяжелый, безрадостный трудъ? Кто такъ безжалостно и жестоко обокралъ Гассана съ самаго дня его рожденія?.. Гассанъ застоналъ и пошевелился. Онъ даже и не замѣтилъ, что Юсуфъ и Зейналь уже вернулись и жадно ѣдятъ пловъ¹⁾, скудно приправленный соленой рыбой и кишмишомъ²⁾, горсть котораго Юсуфъ стащилъ сегодня изъ разбишагося при погрузкѣ ящика. Зейналь предложилъ Гассану плова, но не получилъ отвѣта... Наѣвшись досыта, оба хамала полегли на грязныя цыновки... Завтра на зарѣ пойдутъ снова въ Энзели... Надо до солнца встать...

Стало темно... Душная южная ночь спустилась на землю... Мглистыя, сѣрыя испаренія поднялись отъ рѣки, отъ ея топкихъ, сырыхъ низинъ...

Зашептались о чемъ-то старомъ, таинственномъ, только имъ хорошо извѣстномъ, камыши. Вдали точно заплакалъ ребенокъ, другой. Это завывали шакалы...

Гассанъ лежалъ, вытянувшись на своемъ смрадномъ мѣшкѣ, съ открытыми, остеклѣвшими глазами, лежалъ холодный, молчаливый. Онъ уже не думалъ ни о чемъ, и ему ничего не было нужно.

Изъ дневника Пушкина.

Неизданный отрывокъ Н. Лернера.

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя. Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они его бы обрадовали. Мнѣ надобно его видѣть.

Въ С. О. напечатали одно письмо мое къ В. Л. Это меня взбѣсило; тотчасъ написалъ Гречу официальное письмо.

Вчера К. Дм. Ипсиланти сказалъ мнѣ, что Греки перешли черезъ Дунай и разбили корпусъ непріятельской.

4 мая былъ я принятъ въ масоны.

9 мая. Вотъ уже ровно годъ, какъ я оставилъ Петербургъ. Третьяго дня писалъ я къ К. Ипсиланти, съ молодымъ Французомъ, который отправляется въ Греческое войско. Вчера былъ у кн. Суццо.

Барановъ умеръ. Жаль честнаго гражданина, умнаго человека.

25 мая. Поутру былъ у меня Алексѣевъ. Обѣдалъ у Инзова. Послѣ обѣда пріѣхали ко мнѣ Пушинъ, Алексѣевъ и Пестель. Потомъ былъ я въ здѣшнемъ острогѣ. НВ. Тарасъ Кириловъ. Вечеръ у Крупенскихъ.

6 іюня написалъ слѣдующую записку: *Avis à M-r Deguilly, ex-officier français...*

Этотъ отрывокъ — отъ словъ: „его бы обрадовали“ до конца впервые появляется въ печати. Мы воспроизводимъ его съ принадлежащей намъ старинной копіи автобіографическихъ записокъ Пушкина. Онъ представляетъ собою часть дневника, который велъ Пушкинъ въ 1821 г. въ Кишиневѣ. Подлинникъ находится въ выкупленномъ недавно нашимъ правительствомъ на средства изъ такъ называемаго „10-милліоннаго фонда“ у парижскаго комиссіонера по продажѣ антикварныхъ рѣдкостей Отто (псевдонимъ — „Онѣгинъ“) собраніи рукописей Пушкина. Судя по изданной Академіей Наукъ описанію этого собранія, нашъ списокъ вполне сходится съ подлинникомъ, который описанъ такъ: 1/4 листка писчей бумаги — отрывокъ изъ кишиневскаго дневника, непосредственно примыкающій къ извѣстному уже („Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они“) отрывку, т.-е.: „его бы обрадовали, — мнѣ надобно его видѣть...“ На этомъ же листкѣ — черновикъ письма Пушкина къ Deguilly. „Жандармская помѣта 71“ („Пушкинъ и его современникъ“, вып. XII, стр. 17). На нашей копіи, конечно, нѣтъ имѣющаго въ подлинникѣ слѣда жандармскаго осмотра бумагъ, послѣдовавшаго немедленно по

смерти поэта; нѣтъ также и письма къ Deguilly, а есть только грозное обращеніе, которымъ оно начинается; впрочемъ, самое письмо давно извѣстно въ печати (оно напечатано въ книгѣ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ П. В. Анненкова, которому сообщилъ его бессарабскій пріятель поэта, Н. С. Алексѣевъ). Кишиневскій дневникъ Пушкина уцѣлѣлъ лишь въ двухъ листкахъ: одномъ, находящемся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ (тетр. № 2387, л. 33), и другомъ — оцубликовываемомъ нами. Судя по описанію обѣихъ рукописей (первая описана В. Е. Якушкинымъ въ „Русск. Стар.“ 1884 г., декабрь, 552), второй листокъ не только представляетъ собою продолженіе перваго, но они слѣдовали въ записной тетради поэта непосредственно другъ за другомъ; оба они изъ этой тетради (она сохранилась въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 2366) были вырваны, и первый листокъ былъ вложенъ въ другую, позднѣйшую тетрадь (№ 2387), въ которой находится и посейчасъ, а второй попалъ въ число тѣхъ автографовъ Пушкина, которые правительству пришлось выкупить у парижскаго торговца.

Кишиневскій дневникъ въ той его части, которая находится на первомъ листкѣ и состоитъ изъ шести замѣтокъ, извѣстенъ въ печати давно, но сталъ доступенъ читателю не сразу, а постепенно, главнымъ образомъ благодаря цензурнымъ препятствіямъ. Первые три замѣтки вошли въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина (т. XI, стр. 199—200). Четвертая появилась въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1859 г. (№ 5, стр. 159); П. А. Ефремовымъ, въ его первомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. V, 1881 г., стр. 7, 519) и В. Е. Якушкинымъ („Русск. Стар.“ 1884 г., дек., 552) были даны поправки къ ней. Пятая была напечатана Анненковымъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 174), а шестая, обрывающаяся на половинѣ фразы, В. Е. Якушкинымъ („Русск. Стар.“, тамъ же). Окончаніе ея и вся остальная часть дневника печатаются впервые нами.

„Мы лѣнны и не любопытны“, — говоритъ Пушкинъ о своихъ современникахъ и имѣлъ право такъ говорить: самъ онъ былъ далеко не лѣнивъ и жадно прислушивался и присматривался къ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ. Его письма и историческія статьи, не говоря о болѣе крупныхъ работахъ, показываютъ въ немъ историка въ полномъ смыслѣ слова. Историкомъ былъ онъ и въ своей автобіографіи, за которую принимался не разъ. Его собственное „я“ сравнительно мало участвуетъ въ его автобіографическихъ попыткахъ; онъ старался и умѣлъ выдвигать на первый планъ дѣйствительно такія явленія, въ которыхъ чувствовались „нервы“ эпохи. Если дѣло не пошло у него, къ сожалѣнію, дальше попытокъ, то причиною этому, кромѣ внѣшнихъ препятствій, были строгая требовательность и широта его взглядовъ. Читая эти наброски, убѣждаешься, что Пушкинъ, когда велъ дневникъ или записывалъ свои воспоминанія, думалъ не болѣе, не менѣе, какъ объ исторіи своего времени. Мало того: при этомъ онъ копилъ запасъ наблюдений для художественной обработки. Мудрено ли, что автобіо-

1) Шудукъ — смута, народное волненіе, бунтъ.

2) Шай — мелкая монета, немного меньше 1 копейки.

1) Варенный рисъ, безъ масла.

2) Кишмишъ — мелкій изюмъ.

графія при такой разносторонности интересовъ была для Пушкина очень серьезнымъ трудомъ? Къ нему онъ часто возвращался, несмотря на всевозможныя препятствія и остановки. Его близкіе знали объ этомъ трудѣ. „Что твои записки?“—писалъ ему однажды Рылѣевъ. Онъ самъ сообщалъ о нихъ въ 1824 и 1855 гг. брату; въ сентябрѣ 1825 г. онъ упоминалъ о нихъ въ письмѣ къ П. А. Катенину: „пишу свои mémoires, т.-е. переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь“. Кн. П. А. Вяземскій интересовался ими и просилъ прислать извлеченія изъ нихъ, гдѣ говорится о Карамзинѣ. Въ теченіе почти всей своей сознательной жизни Пушкинъ неизмѣнно возвращался къ автобіографіи.

„Въ 1821 году,—разсказываетъ онъ самъ, приступая къ одной изъ такихъ попытокъ:—началъ я мою біографію и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г., при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ-быть—и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ: я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства...“ Теперь Пушкинъ общалъ: „буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ...“

Занимающій насъ кишиневскій дневникъ—не что иное, какъ отрывочный и, благодаря сжатости, особенно цѣнный конспектъ; на основаніи его Пушкинъ обрабатывалъ свои записки, о гибели которыхъ исторія и литература не могутъ не сожалѣть. Въ той части дневника, которую выпало намъ на долю обнародовать, встрѣчаются историческія имена, упоминанія о выдающихся событіяхъ и намеки на нѣкоторые замѣчательные факты жизни самого поэта. Каждая строчка бѣлаго дневника нуждается въ комментаріяхъ, которые мы и предлагаемъ читателямъ, располагая наши поясненія по возможности въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ сами записи.

П. Я. Чаадаевъ, о которомъ говоритъ въ первой изъ нихъ Пушкинъ съ такою любовью,—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, чье вліяніе на Пушкина было сильно и благотворно. Поэтъ высоко цѣнилъ эту личность: „онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ—Периклесъ“,—сказалъ Пушкинъ о Чаадаевѣ. Когда, въ 1820 г., надъ головою Пушкина собрались тучи, и ему грозила административная кара, при одной мысли о которой онъ приходилъ въ ужасъ, Чаадаевъ въ критическую минуту поспѣшилъ къ нему на выручку: своимъ вмѣшательствомъ онъ ослабилъ ударъ и помогъ поэту попасть изъ Петербурга на югъ, а не въ иные, менѣе теплые, края. Отвѣтомъ на тѣ дружескія, „жестокія и несправедливыя“, укоризны Чаадаева, о которыхъ говорится въ дневникѣ (самое письмо не дошло до насъ) и было, вѣроятно, знаменитое посланіе къ нему, написанное въ апрѣлѣ 1821 г. Пушкинъ благодарно указалъ въ этомъ посланіи, чѣмъ былъ для него Чаадаевъ:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ-быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлящей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь.
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть...

Пушкинъ видѣлъ въ Чаадаевѣ не только своего заступника передъ разгнѣванной властью, но и нравственнаго спасителя. Чаадаевъ научилъ его „смѣлому терпѣнью“, внутренней гордости, умѣнью искать и находить лучшую поддержку въ себѣ самомъ. „Мнѣ надобно его видѣть“,—экзальтированно говоритъ Пушкинъ въ дневникѣ и взываетъ къ нему въ стихахъ:

О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливы буду я...

„Мой Чаадаевъ“,—ласково называетъ его поэтъ въ одномъ наброскѣ. Впослѣдствіи Пушкинъ охладѣлъ къ Чаадаеву, и благотворное вліяніе этого человѣка на поэта изсякло, но Чаадаевъ до конца своихъ дней не переставалъ гордиться той ролью, которую игралъ въ жизни молодого Пушкина.

Инициалы во второй записи должны читаться такъ: „Въ „Сынѣ Отечества“ напечатали одно письмо мое къ Василию Львовичу“.

Въ началѣ января 1817 г. Пушкинъ написалъ посланіе въ стихахъ и прозѣ къ своему дядѣ В. Л. Пушкину, „старость“ знаменитаго литературнаго кружка „Арзамасъ“, носившее характеръ „Отечества“, ознакомившись съ посланіемъ, самовольно напечаталъ его въ своемъ журналѣ (1821 г. ч. 68. № XI, 12 марта, стр. 178—180) съ надписью: „А. Пушкинъ“ и подъ заглавіемъ: „Дядѣ, названному сочинителю братомъ“. (Оно служить отвѣтомъ на письмо дяди, который говоритъ племяннику: „ты—братъ мнѣ по Аполлону“, Пушкинъ возражаетъ: „нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совѣмъ не братъ, вы дядя мой, и на Парнасѣ“). Появленіе этого посланія въ печати было для Пушкина полной неожиданностью и изрядно разсердило его. Неизвѣстно, что написалъ онъ Гречу, но, очевидно, онъ намѣренъ былъ покарать печатно самовольство редактора. 21 сентября онъ спрашивалъ Греча, между прочимъ: „а скромное письмо мое насчетъ моего же письма, — видно, не лѣзетъ сквозь цензуру?“ Должно-быть, въ этомъ случаѣ провинился нескромностью и самъ дядюшка, о которомъ Пушкинъ вскорѣ (2 января 1822 г.) писалъ Вяземскому: „желаю счастья дядѣ, — я не пишу къ нему, потому что опасаясь журнальныхъ почестей“. На самого Греча Пушкинъ недолго сердился: въ томъ же 1821 г. онъ напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ цитированное выше посланіе къ Чаадаеву. Гречу, знаменитому впослѣдствіи въ качествѣ уставщика правилъ грамматики и соратника Ѳаддея Булгарина, принадлежитъ первое упоминаніе о Пушкинѣ въ русской учебной литературѣ и одно изъ первыхъ въ критикѣ (1822 г.). Онъ отнесъ молодого Пушкина къ небольшому числу тѣхъ писателей, „которые въ изящной литературѣ нынѣшняго вѣка приобрѣли отличную славу“, и въ „Русланѣ и Людмилѣ“ отмѣтилъ „необыкновенный духъ пѣтической, воображеніе и вкусъ, которые, если обстоятельства имъ будутъ благопріятствовать, обѣщаютъ принести драгоцѣнные плоды“ („Учебная книга російской словесности“ и „Опытъ краткой исторіи русской литературы“, изд. 1822 г.) Связь Греча съ Булгаринымъ заставила Пушкина нѣсколько лѣтъ спустя отдалиться отъ него.

„4 мая былъ я принятъ въ масоны“, — эта записъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Уже давно извѣстно признаніе Пушкина, который, выясняя своему постоянному ходатаю и совѣтчику Жуковскому свои отношенія къ правительству, писалъ въ 1826 г.: „я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи все ложи“. Принадлежность къ масонству Пушкинъ считалъ пятномъ на своей политической репутации, и Жуковскій, хлопоча о возвращеніи опального поэта изъ ссылки, долженъ былъ такимъ образомъ учить это обстоятельство. До послѣднихъ лѣтъ о кишиневской ложѣ въ литературѣ существовали самыя краткія и темныя свѣдѣнія. 19 ноября 1821 г. начальникъ главнаго штаба при Государѣ Императорѣ, князь П. М. Волконскій, сообщилъ бессарабскому намѣстнику И. Н. Инзову, при которомъ состоялъ опальный Пушкинъ, по поводу полученныхъ правительствомъ секретныхъ свѣдѣній объ открытыхъ или открываемыхъ въ Бессарабіи масонскихъ ложахъ, къ которымъ стоитъ близко Пушкинъ. Высочайшее повелѣніе закрыть эти организаціи и донести Государю о поведеніи Пушкина и о занятіяхъ его въ масонскихъ ложахъ“ („Русск. Стар.“ 1883 г., дек., 654—655). 1 декабря Инзовъ отвѣтилъ Волконскому, что предполагавшаяся къ открытію ложа не была имъ разрѣшена, и, слѣдовательно, Пушкинъ, о поведеніи котораго Инзовъ отозвался вообще сочувственно, не могъ быть членомъ масонской ложи (тамъ же, 655). Съ теченіемъ времени изъ-подъ спуда появились архивныя данныя о кишиневской ложѣ. Вотъ къ чему они сводятся. Ложа, фигурировавшая въ общемъ спискѣ масонскихъ ложъ подъ именемъ „Овидій, № 25“, дѣйствительно существовало въ Кишиневѣ 7 мая 1821 г. кишиневскіе „братья“ послали въ великую ложу „Астрею“ просьбу объ утвержденіи кишиневской ложи. „Астрея“, какъ гласитъ протоколъ ея чрезвычайнаго собранія, „даровала конституцію новой ложѣ, открывающейся къ востоку въ Кишиневѣ, въ Бессарабіи, подъ отличительнымъ наименованіемъ „Овидій“, и назначила ей № 25“. Въ спискѣ ходатайствующихъ братьевъ, составленномъ 5 мая 1821 г., имени Пушкина нѣтъ, но это объясняется тѣмъ, что обращаться къ великой ложѣ могли только принятые ранѣе въ масонство и извѣстные ей „братья“, а Пушкинъ, зачисленный 4 мая, былъ принятъ, такъ сказать, предварительно, и официальное принятіе его могло послѣдовать лишь послѣ полученія кишиневской ложей официального утвержденія отъ великой и ея „инсталляціи“. Противорѣчіе между показаніями Инзова, что въ Кишиневѣ ложа не открывалась, и Пушкина разрѣшается весьма просто. „Братья“ кишиневской ложи могли считать ее существующей и легально функционирующей, но юридическое бытіе не могло быть ей дано даже полученіемъ отъ великой ложи упомянутаго официального утвержденія, — требовалась еще „инсталляція“. Это былъ особый обрядъ, совершавшійся въ присутствіи делегатовъ отъ великой ложи, и только по совершеніи этого обряда ложа начинала существовать въ полномъ смыслѣ слова и правильно исполнять свои дѣйствія. „Астрея“ напомнила кишиневской ложѣ законъ объ инсталляціи, — что „прежде, нежели которая ложа будетъ такимъ образомъ принята, производимыя ею работы почитаются временными и остаются недѣйствительными, если принятіе не совершится, потому что каждая ложа уже послѣ принятія своего вносится въ списокъ великой „Астреи“. Кишиневская ложа инсталляціи не подверглась

Когда Пестель погибъ на эшафотѣ, призраки его и четырехъ казненныхъ съ нимъ товарищей долго тревожили Пушкина, и онъ рисовалъ въ своихъ тетрадяхъ висѣлицу съ пятью повѣшенными (Румянцевскій музей, тетр. № 2368, л. 38; № 2371, л. 38, 43).

Съ посѣщеніемъ острова связанъ одинъ разсказъ поэта, записанный слышавшимъ его Н. И. Куликовымъ („Русск. Стар.“ 1881 г., августъ, 613—614). „Съ позволенія начальства Пушкинъ часто ходилъ разговаривать съ арестантами, спрашивать объ ихъ удалствѣ. Всѣ они охотно другъ передъ другомъ старались занимать его своими похождениями; особенно главный, первостатейный каторжникъ, всѣми уважаемый, до того полюбилъ сочинителя, что однажды вечеромъ сказалъ ему:

— Ну, Пушкинъ, прощай... ужъ завтра не найдешь меня здѣсь.

— На Владимірку?

— На всѣ четыре!

— Какъ такъ?

— А такъ: клѣтка надломлена, настанетъ ночь, а мы—ночныя птицы и вольныя! Прощай братъ, сочинитель.

„При такой дружеской откровенности, — продолжалъ Пушкинъ: — я ни на минуту не допустилъ мысли о доносѣ, пошелъ домой, поработалъ и легъ спать“.

„Ночью барабанъ бьетъ тревогу! Я, надѣвъ архалукъ, сбѣжалъ съ горы въ крѣпость... изъ воротъ команда бѣжитъ во всѣ стороны съ крикомъ: лови, лови! Я вбѣгаю въ ворота... какая картина поражаетъ меня: барабанщикъ, мальчикъ 16 или 17 лѣтъ, бьетъ азартно тревогу, а у него по лицу струится кровь, и глазъ, вырванный изъ своей орбиты — виситъ на щекѣ! Этотъ молодецъ ночью зачѣмъ-то вышелъ на воздухъ и, увидя, что какія-то тѣни мелькаютъ по стѣнѣ, схватилъ барабанъ и забилъ тревогу... въ эту-то минуту одинъ изъ бѣглецовъ, пробѣгая мимо, ударилъ его ножомъ въ глазъ! Многихъ переловили, а мой другъ убѣжалъ. Но этого героя-барабанщика я не могу забыть!“

Кишиневская тюрьма, конечно, дала свою долю впечатлѣній автору „Братьевъ разбойниковъ“ и „Узника“, въ которомъ такъ прекрасно выражена тоска по свободѣ:

Мы—вольныя птицы: пора, братъ, пора!..

Кому принадлежало сопровождаемое „nota-bene“ имя Тарасъ Кириловъ—неизвѣстно; быть-можетъ, кому-нибудь изъ обитателей острога.

Крупенскіе, у которыхъ Пушкинъ провелъ отмѣченный въ дневникѣ вечеръ, — семья вице-губернатора Матвѣя Егоровича Крупенскаго, полу-грека, полу-молдаванина. Онъ жилъ открытымъ домомъ, былъ большой хлѣбосоль; за карточнымъ столомъ у него собиралось много народу; бывалъ у него часто пріятель Пушкина—Н. С. Алексѣевъ. Пушкинъ любилъ заходить къ Крупенскимъ по вечерамъ (П. И. Бартеневъ и И. П. Липранди въ „Русск. Арх.“ 1866 г., ст. 1125, 1226, 1227, 1235, 1236, 1238, 1239).

Обнародованный нами обрывокъ кишиневского дневника даетъ, несмотря на свою краткость, много цѣнныхъ данныхъ для біографіи Пушкина, для исторіи его молодости. Если дорога всякая строка Пушкина, то тѣмъ дороже намъ эти строки, такія содержательныя. Онѣ помогаютъ намъ ближе узнать Пушкина въ цвѣтущую пору его жизни, когда вѣщей душѣ еще „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“, которыя жадно воспринимала радостная, гордая юность поэта.

Рисунки Пушкина. (На стр. 97).

Поэтъ любилъ испещрять свои рукописи рисунками — видами, портретами, карриатурами, жанровыми сценками. Иногда онъ иллюстрировалъ свои произведенія: напр., „Гробовщика“, „Домикъ въ Коломнѣ“, „Сказку о попѣ и работникѣ его Балдѣ“, „Осень“, „Сказку о золотомъ пѣтушкѣ“.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ можно узнать облики Онѣгина и Ленскаго.

На каждомъ шагу въ его бумагахъ, какъ въ описанномъ имъ альбомѣ Онѣгина, попадаются „портреты, буквы, имена и тайной думы письма“. Въ нихъ иной разъ сквозитъ сердечная тоска, отъ которой спасало поэта только вдохновеніе:

Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ ни головъ...

Женскія ножки, быть-можетъ, тѣ самыя, о которыхъ вспоминалъ онъ въ „Онѣгинѣ“:

Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!.. Грустный, охладѣлый,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.
Когда жъ и гдѣ, въ какой пустынь,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?..

Женскія ножки мы находимъ на первомъ изъ воспроизводимыхъ здѣсь рисунковъ (изъ тетради Румянцевскаго музея, № 2370, л. 2). Надъ ними какая-то голова и летящій Меркурій.

На второмъ рисункѣ (та же тетрадь, л. 6) рядомъ съ изображеніемъ фрачного господина, играющаго на бильярдѣ, двѣ головы: одна, повидимому—мужская, другая — женская. Надъ послѣдней довольно плохо нарисованъ черепъ безъ нижней челюсти. Вверху

какой-то недоконченный профиль и три *автопортрета*. Всѣ эти рисунки набросаны по всей вѣроятности въ Одессѣ въ 1823—1824 гг.

Остальные рисунки извлечены изъ другой тетради Румянцевскаго музея (№ 2371) и относятся къ 1828 г. Первый (на л. 87)—довольно старательно набросанное погрудное изображеніе молодой женщины въ высокой прическѣ—надо думать, иллюстрируетъ началую тутъ же повѣсть „Въ Коломнѣ, на углу маленькой площади“... Бѣгущая лошадь (л. 89) передана довольно живо; недурна и роца (л. 90); положительно хорошъ средневѣковый копейщикъ (на оборотѣ того же листа). Очень хороши по выразительности и сходству молодой Наполеонъ и Вольтеръ въ фригійскомъ колпакѣ (л. 96); оба они часто занимали мысли поэта, и онъ не разъ рисовалъ ихъ.

За исключеніемъ бѣгущей лошади, воспроизведенной еще въ альбомѣ московской Пушкинской выставки 1880 г., всѣ помѣщенные здѣсь рисунки Пушкина появляются въ печати впервые. Возможностью украсить ими страницы „Нивы“ мы обязаны любезности извѣстнаго критика и издателя сочиненій Пушкина С. А. Венгерова, владѣющаго замѣчательнымъ собраніемъ фотографическихъ снимковъ съ тетрадью Пушкина.

Пушкинъ и Державинъ.

(Картина И. Е. Рѣпина, на стр. 95).

Въ январѣ 1815 г. въ Царскосельскомъ Лицеѣ состоялись первыя переводные экзамены воспитанниковъ начальнаго пріема съ младшаго курса на старшій. Особенно торжественно былъ обставленъ экзаменъ изъ „россійскаго языка“. Были приглашены государственные сановники, высшее духовенство, представители Академіи и Педагогическаго института, родители учащихся. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и престарѣлый поэтъ Г. Р. Державинъ. Къ этому дню и къ пріѣзду Державина Пушкинъ приготовилъ свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“.

Это былъ знаменательный моментъ. Пушкинъ навсегда сохранилъ гордое и сладкое воспоминаніе о своей встрѣчѣ съ „екатерининскимъ лебедемъ“. О пережитыхъ имъ при этомъ впечатлѣніяхъ онъ передаетъ въ одной автобіографической замѣткѣ: „Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались... Державинъ былъ очень старъ. Онъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе, не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...“

Отецъ Пушкина вспоминалъ впослѣдствіи объ этомъ торжествѣ сына: „безсмертный пѣвецъ безсмертной Екатерины благодарилъ тогда моего сына и благословилъ его поэтомъ... Я не забуду, что за объѣдомъ, на который я былъ приглашенъ графомъ А. К. Разумовскимъ, бывшимъ тогда министромъ просвѣщенія, графъ, отдавая справедливость молодому таланту, сказалъ мнѣ: „я бы желалъ однакоже образовать сына вашего къ прозѣ“. *Оставьте его поэтомъ*,—отвѣчалъ ему за меня Державинъ съ жаромъ...“

Молодой поэтъ произвелъ сильное впечатлѣніе на стараго. „Мое время прошло,—говорилъ Державинъ С. Т. Аксакову:—теперь ваше время... Скоро явится свѣту второй Державинъ: это—Пушкинъ, который уже въ Лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей“.

Воспоминаніе о благословеніи, которымъ налутествовалъ отрока-поэта Державинъ, было дорого Пушкину. Въ 1817 г. онъ говорилъ въ посланіи къ Жуковскому:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукою
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.

Въ „Онѣгинѣ“ онъ снова вспомнилъ:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ...

Геніальный художникъ изобразилъ эту встрѣчу. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидятъ Державинъ, министръ Разумовскій, митрополитъ, попечитель учебнаго округа Уваровъ, директоръ Лицея Энгельгардтъ, командиръ гусарскаго полка Левашевъ, фельдмаршалъ Салтыковъ. Въ публикѣ—родители поэта. Вниманіе зрителя сразу привлекаютъ два лица—Пушкина и Державина, выписанныя особенно старательно и любовно. На устахъ Пушкина словно трепещетъ восторженная строфа:

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозныя Славянъ,

Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился мѣръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Предъ Державинымъ воочию свершается чудо: онъ приподнимается и зорко всматривается въ молодого поэта. Когда Пушкинъ кончилъ, на глазахъ Державина блистали слезы...

Недаромъ онъ сказалъ о Пушкинѣ: „оставьте его поэтомъ“. Онъ пророчески понялъ, что этотъ мальчикъ посланъ въ мѣръ самимъ богомъ поэзіи, понялъ то, что выразилъ впоследствии съ такой опредѣленностью Гоголь: „Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое *самъ поэтъ*“...

Въ лицѣ Пушкина не ищите реального сходства. Оно, пожалуй, слишкомъ зрѣло для мальчика по шестнадцатому году. Но не въ сходствѣ дѣло, а въ томъ отблескѣ вдохновенія, который озаряетъ это лицо. И это вдохновеніе передалось старому патриарху поэзіи, и его потухающіе, усталые глаза вспыхнули былымъ огнемъ.

Картина поражаетъ вдумчивой композиціей, силой экспрессіи, яркостью колорита. Всѣ лица, всѣ частности расположены такъ, что рѣшительно кажется—ничего нельзя перемѣнить, ничего нельзя переставить, ни прибавить, ни убавить. Большой свѣтъ изображенъ съ той умной, тонкой, чуть замѣтной ироніей, которая такъ привычна Рѣпину, когда онъ рисуетъ „сильныхъ міра сего“. Вся картина сіяетъ торжественнымъ свѣтомъ. Но главное, самое прекрасное въ ней, это—то выраженіе, которое легло на лица Державина и Пушкина. Только равный имъ художникъ могъ подсмотреть и возсоздать Пушкина и Державина, объять ихъ божественнымъ восторгомъ. „Остановись, мгновенье: ты прекрасно“,—сказалъ великій мастеръ, и оно, послушное чарамъ искусства, остановилось и замерло навѣки...

Реального портрета Пушкина Рѣпинъ не далъ, да и не думалъ дать. Но что нужно,—онъ съ непрерываемою убѣдительною запечатлѣлъ изображеніе великой и прекрасной души на ея взлетѣ къ идеальнымъ высямъ творчества.

Н. Лернеръ.

Чарльзъ Диккенсъ.

(Съ 8 рис. на стр. 101).

26 января с. г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго англійскаго романиста Чарльза Диккенса. Это блестящее имя навсегда вписано на страницы исторіи человѣчества, съ нимъ связаны представленіе и воспоминаніе о прекрасныхъ образахъ, о строкахъ, пронизанныхъ поэзіей, красотой художественнаго вымысла и нѣжной любовью къ человѣчеству. Диккенсъ, какъ писатель и какъ человѣкъ, былъ глубоко націоналенъ: онъ изображалъ, за немногими исключеніями (напримѣръ, „Повѣсть о двухъ городахъ“), только англійскій бытъ и англійскихъ людей, но громадный изобразительный талантъ и потрясающая сила чувства въ его художественномъ творествѣ сдѣлали его писателемъ всемірнымъ. Нѣтъ страны въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ имя Диккенса и его произведенія не были бы знакомы каждому читающему человѣку. У насъ, въ Россіи, произведенія Диккенса были столь же популярны, какъ и произведенія нашихъ великихъ писателей минувшаго вѣка. Диккенсомъ у насъ увлекались одновременно съ Достоевскимъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ. Можно съ нѣкоторой натяжкой сказать даже, что Диккенсъ составляетъ одну семью съ упомянутыми нашими классиками, такъ близки и дороги были произведенія его: „Домби“, „Копперфильдъ“, „Лавка древностей“, его чудные рождественскіе рассказы—каждому русскому читателю. Созданные Диккенсомъ типы—всѣ его безсмертные Домби, Копперфильды, Микоберы, Агнесы, Траддельсы—дороги намъ, какъ наши близкіе, какъ „свои“, какъ родные. И если современнаго читателя тяготятъ нѣкоторая расплывчатость и длиннота колоссальныхъ романовъ Диккенса, если его смущаютъ проскальзывающая мѣстами мелодраматичность и усиленіе красокъ въ ущербъ чистой художественности, то зато нѣтъ такого читателя и донинѣ, который не подпадалъ бы подъ обаяніе самой души каждаго диккенсовскаго романа, не заражался бы искренней любовью Диккенса къ человѣчеству и къ добру и не наслаждался бы высокой поэзіей сердца и теплымъ юморомъ, которые такъ и свѣтятъ въ каждомъ произведеніи Диккенса.

Диккенсъ является создателемъ цѣлой школы новаго романа, психологическаго и гуманитарнаго, и у него явилось потомъ множество послѣдователей не только въ Англии, но и въ другихъ странахъ. Укажемъ, на примѣръ, хотя бы на А. Додэ, въ произведеніяхъ котораго („Джекъ“, „Набобъ“, „Фромонъ и Рислеръ“) вліяніе Диккенса чувствуется особенно ярко. Не безъ вліянія великаго англійскаго романиста остались и многіе изъ нашихъ писателей.

Чарльзъ Диккенсъ родился 26 января 1812 года въ Портсѣ, предмѣстьѣ Портсмута, гдѣ отецъ его служилъ чиновникомъ морскаго министерства. Немного позднѣе Диккенсы переселились въ Чатамъ и Лондонъ. Рѣдко кому изъ прославившихся впоследствии писателей-художниковъ пришлось перенести такъ много всякихъ жизненныхъ невзгодъ, какъ Диккенсу. Отецъ его, изображенный въ „Копперфильдѣ“ подъ именемъ Микобера, отличался легкомысліемъ и нерасчетливостью, запутался въ долгахъ и былъ посаженъ со своей семьей въ лондонскую долговую тюрьму. Маленькаго Чарльза вмѣсто школы отдали въ заведеніе для выдѣлки ваксы, гдѣ онъ былъ обязанъ наклеивать этикетки на коробки съ ваксой. Это былъ такой тяжелый періодъ въ жизни знаменитаго писателя, что онъ потомъ, по собственному выраженію, всячески старался „набросить занавѣсъ“ на него и уже много лѣтъ спустя, будучи счастливымъ семьяниномъ и извѣстнымъ писателемъ, не могъ безъ слезъ и внутренняго содраганія проходить по тому переулку, по которому когда-то ходилъ каждый день въ это заведеніе. Біографическія подробности объ этой эпохѣ въ жизни Диккенса можно найти на блестящихъ страницахъ „Копперфильда“, въ которомъ вообще очень много автобіографическихъ чертъ.

Будущій романистъ рѣшилъ выбиться въ жизни собственными силами. Онъ выучился стенографіи и сталъ работать въ одной лондонской газетѣ въ качествѣ парламентскаго репортера.

А почти одновременно съ репортерствомъ началась и беллетристическая дѣятельность Диккенса. Дѣтство и юность, богатые впечатлѣніями и встрѣчами, доставили ему богатый матеріалъ для художественныхъ изображеній. Въ 1833 году въ одномъ лондонскомъ журналѣ появился первый рассказъ будущаго великаго романиста: „Обѣдъ въ аллеѣ тополей“. Затѣмъ появилось еще нѣсколько такихъ рассказовъ за подписью „Боцъ“, а черезъ три года Диккенсъ собралъ ихъ въ одну книжку и выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Очерки Боца. Изображеніе будничной жизни и будничныхъ людей“. Эти очерки имѣли успѣхъ у читающей публики. Но настоящая крупная извѣстность и даже слава пришли къ Диккенсу позднѣе, а именно съ появленіемъ знаменитыхъ „Записокъ Пиквикскаго клуба“.

Успѣхъ этого произведенія былъ громадный. И старъ и младъ зачитывались похождениями мистера Пиквика. Карлейль рассказываетъ, что одинъ умирающій больной уже послѣ исповѣди нашелъ въ себѣ силы, чтобы прошептать коснѣющимъ языкомъ: „Новая книжка Пиквика выйдетъ черезъ десять дней. Богъ дастъ, я все-таки доживу до тѣхъ поръ и прочту ее“.

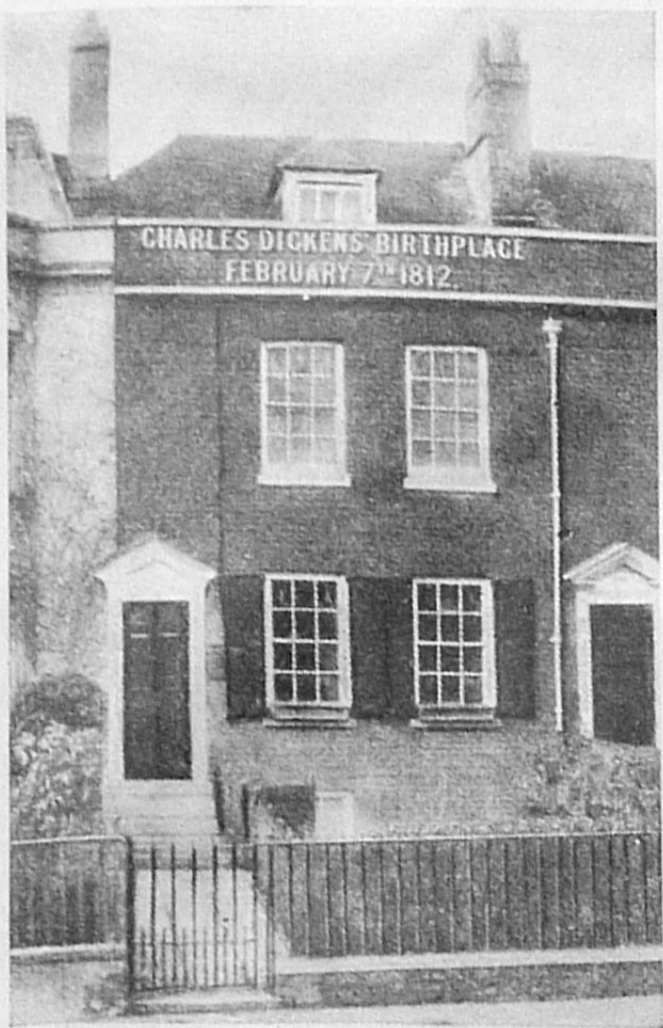
Настоящимъ романомъ, съ разработанной интригой, былъ „Оливеръ Твистъ“, имѣвшій такой же успѣхъ, какъ и „Пиквикъ“. И съ этого времени Диккенсъ сталъ уже прославленнымъ писателемъ, произведеніями котораго зачитывался весь образованный мѣръ не только въ Англии, но и въ Европѣ. Дальнѣйшіе его романы: „Николай Никльби“, „Барнаби Руджъ“, „Домби и сынъ“, „Холодный домъ“ и другіе и, какъ вѣнецъ всего этого, незамѣнимый и еще не превзойденный въ своемъ родѣ „Давидъ Копперфильдъ“—были новыми этапами художественнаго творчества и міровой славы Диккенса...

Начавъ съ газетной дѣятельности, Диккенсъ не былъ чуждъ ей и въ пору расцвѣта своей славы. Онъ издавалъ небольшой журналъ—альманахъ „Часы мистера Гумфри“, въ которомъ помѣщалъ преимущественно собственные рассказы и романы. Затѣмъ онъ основалъ большую газету „Daily-News“, изъ состава которой онъ, впрочемъ, скоро вышелъ. А позднѣе, уже въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ сталъ издавать семейный иллюстрированный журналъ „All the Year Round“. Этотъ журналъ вскорѣ сталъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ въ Англии. Диккенсъ принималъ въ немъ участіе до самой своей смерти.

Послѣдніе годы своей жизни Диккенсъ провелъ довольно необычно. Онъ ѣздилъ изъ города въ городъ и въ Англии и на континентѣ и даже въ Америкѣ и лично читалъ предъ публикой свои произведенія. Эти чтенія сопровождались повсюду колоссальнымъ успѣхомъ и давали романисту крупныя деньги (онъ читалъ за плату), но расшатали его здоровье. Послѣдній разъ онъ выступалъ такимъ образомъ передъ публикой въ 1870 году и трогательно простился съ нею, такъ какъ врачи категорически запретили ему эти чтенія. Въ этомъ же году онъ скончался—9-го іюня, въ Гэдсхилѣ, близъ Чатама.

Тѣло великаго романиста было погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Рядомъ съ его гробомъ покоится прахъ Джонсона (знаменитаго англійскаго доктора) и трагика Гаррика, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находятся памятники Шекспира, Чоусера и Драйдена.

Диккенсъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ. Онъ и въ жизни былъ такимъ же гуманистомъ, какимъ мы знаемъ его по его романамъ. Всюду, куда онъ ни пріѣзжалъ, его прежде всего интересовали гуманитарныя учрежденія и та обстановка и условія, въ которыхъ живетъ бѣдный людъ. Онъ посѣщалъ тюрьмы, страннопримные дома, убѣжища и т. п. и вездѣ вносилъ то или иное доброе начало. Между прочимъ, онъ страстно агитировалъ противъ пресловутой филладельфійской системы одиночнаго заключенія, которая болѣзненно поразила его въ Америкѣ и была перенесена въ Европу.

Домъ въ Портсмутѣ, въ которомъ родился Диккенсъ.

Чарльзъ Диккенсъ.
По поводу 100-лѣтія
со дня рожденія.

Диккенсъ—юноша.

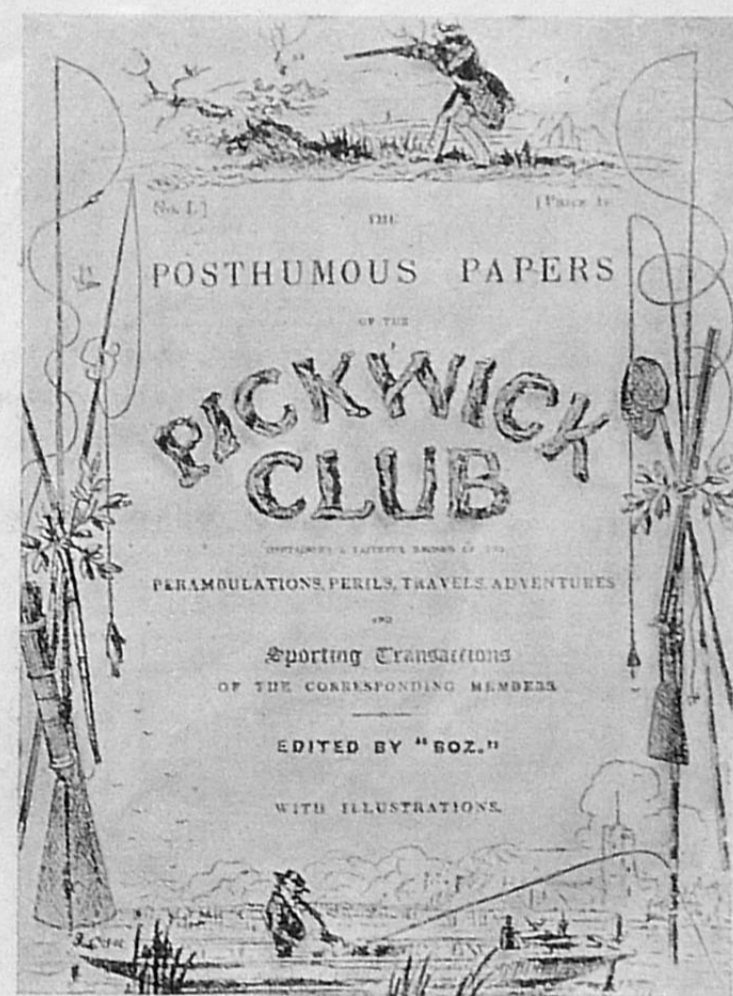
Charles Dickens

Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ Диккенса.

Портретъ Диккенса въ
началѣ 60-хъ годовъ.

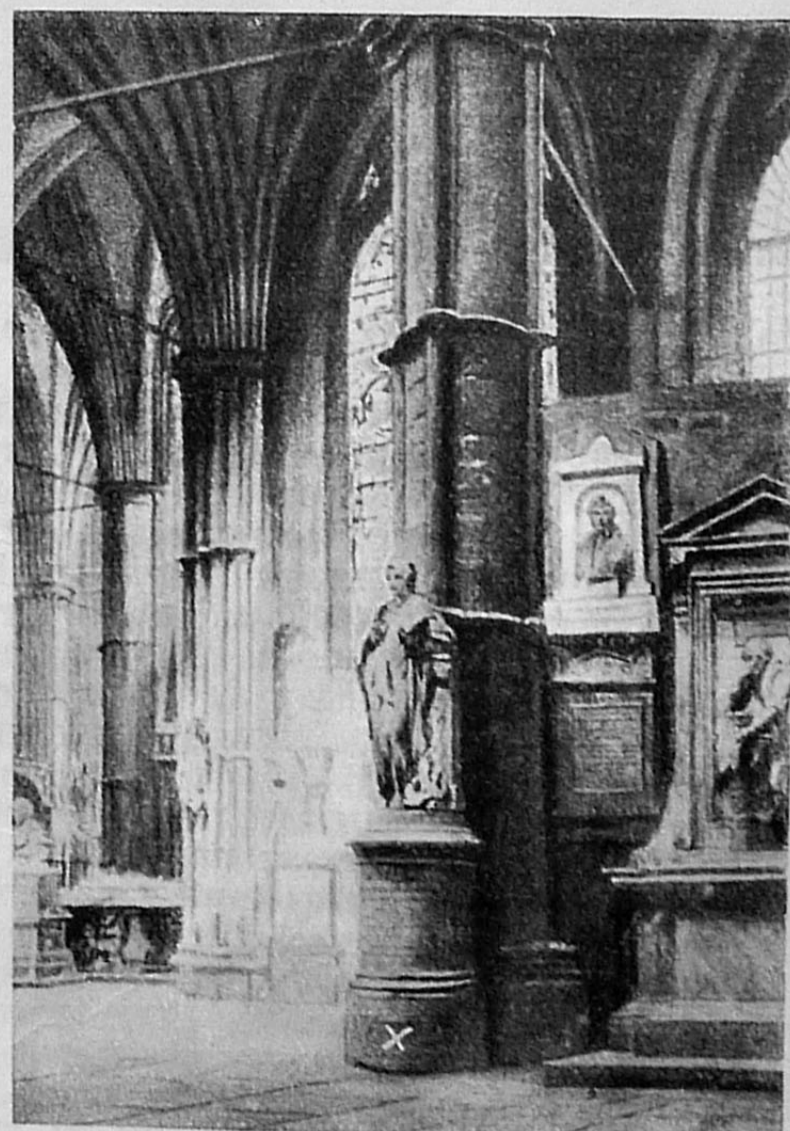
Юбилейная почто-
вая марка.

Обложка „Записокъ Пиквикскаго
клуба“.

Помѣстье Диккенса—„Гэдсхиль“, въ которомъ онъ скончался.

Гробница Диккенса въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. (X)

М. И. Фигнеръ.

(Портр. на этой стр.).

Весною этого года исполняется двадцать пять лѣтъ со дня перваго появленія на сценѣ Императорскаго Маринскаго театра извѣстной оперной артистки Медеи Ивановны Фигнеръ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, весною 1886 года, г-жа Медея Фигнеръ, носившая тогда еще свою дѣвическую фамилію—Мей, дебютировала въ Маринскомъ театрѣ въ роли Валентины („Гугеноты“) и имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Прекрасный голосъ, великолѣпное пѣніе, художественная, исполненная захватывающаго темперамента, игра произвели неизгладимое впечатлѣніе на слушателей, и не-

ческой семьѣ. Страсть къ театру проявилась въ ней очень рано, и ея тяготѣніе къ сценѣ долгое время встрѣчало живой протестъ со стороны отца. Позднѣе ей удалось однако поступить въ флорентійскую консерваторію, а еще позднѣе—брать уроки у знаменитаго въ свое время Панофки. На сценѣ молодая артистка Мей дебютировала въ маленькомъ мѣстечкѣ Синалунга, близъ Флоренціи. Ей было всего 16 лѣтъ, когда она выступила предъ ярмарочной публикой въ маленькомъ театрѣ, но уже въ большой роли цыганки Азучены („Трубадуръ“) и съ большимъ уже та-

М. И. Фигнеръ, солистка Его Величества. По поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности.

извѣстная у насъ до той поры молодая итальянская артистка сразу сдѣлалась любимицей петербургской публики. И съ той поры М. И. Фигнеръ не покидала сцены Маринскаго театра, и Петербургъ сталъ для нея второю родиной.

Говорить о двадцатипятилѣтней дѣятельности М. И. Фигнеръ на нашей образцовой оперной сценѣ, это значитъ говорить о цѣломъ рядѣ крупныхъ артистическихъ и художественныхъ успѣховъ и о цѣлой вереницѣ прекрасныхъ образовъ, которые стоятъ въ глазахъ у всякаго, кто посѣщаетъ Маринскій театръ. Каждая роль, за которую бралась М. И. Фигнеръ, всегда была тонко художественно разработана и отдѣлана и поражала художественной законченностью. Настоящая артистка, художница Божьей милостью, М. И. Фигнеръ всегда стремилась къ полной гармоніи въ своемъ художественномъ творествѣ: пѣніе и игра и весь ея такіе образы, какъ Валентина въ „Гугенотахъ“ или Кармень, поражаютъ въ исполненіи артистки своей силой и яркостью. Дѣятельности, оно — настоящій свѣтильникъ въ искусствѣ, стоящій высоко на горѣ и видный всѣмъ.

М. И. Фигнеръ родилась во Флоренціи въ небогатой труженн-

лантомъ и умѣніемъ... Ея дебютъ имѣлъ крупный успѣхъ, и молодую пѣвицу послѣ того пригласили въ одинъ изъ настоящихъ оперныхъ театровъ въ ея родномъ городѣ. А затѣмъ ея имя стало извѣстно мало-по-малу и всей Италіи... А еще позднѣе—и Россіи...

Въ Россію г-жа Медея Мей пріѣхала въ 1886 году и, какъ уже сказано, выступила впервые въ Маринскомъ театрѣ и была принята на нашу казенную сцену. Характерно то обстоятельство, что въ началѣ своей оперной карьеры, у себя, въ Италіи, М. И. Фигнеръ пѣла меццо-сопрановыя партіи. Позднѣе ея голосъ измѣнился и перешелъ въ чистое драматическое сопрано, рѣдкое по силѣ и красотѣ звука.

Къ великому сожалѣнію, артистка нынѣ покидаетъ сцену. Ея бенефисный спектакль, состоявшійся недавно въ Маринскомъ театрѣ, — спектакль, для котораго М. И. Фигнеръ избрала одну изъ своихъ коронныхъ ролей—Кармень,—является прощальнымъ выступленіемъ М. И. Фигнеръ на нашей сценѣ. Объ этомъ невозможно не пожалѣть самымъ искреннимъ образомъ, потому что прекрасная артистка находится въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта и должна была бы еще много лѣтъ служить украшеніемъ нашей оперной сцены.

М. А. Михайлова. (Портр. на этой стр.).

Изъ Мариинскаго театра въ послѣднее время уходятъ артисты съ крупными именами и сложившимися прекрасными репутаціями. Ушелъ К. Т. Серебряковъ, ушла М. И. Фигнеръ, а теперь уходитъ М. А. Михайлова—одна изъ популярнѣйшихъ пѣвицъ и артистокъ нашей образцовой оперной сцены. Уходитъ послѣ двадцатилѣтняго пребыванія на сценѣ Мариинскаго театра.

М. А. Михайлова происходитъ изъ музыкальной семьи. Ея отецъ былъ директоромъ Харьковской музыкальной школы. Еще въ дѣтствѣ она проявляла недюжинныя способности къ музыкѣ и пѣнію, и ея воспитаніе было направлено къ тому, чтобы ея способности проявились въ надлежащемъ блескѣ. Артистка дебютировала въ Мариинскомъ театрѣ въ 1892 году и сразу имѣла успѣхъ у публики своимъ кристальнымъ, необычайно подвижнымъ, голосомъ, богатой колоратурой и художественной игрой. Съ тѣхъ поръ М. А. Михайлова выступила болѣе, чѣмъ въ 30 операхъ, создавъ цѣлую вереницу изящныхъ сценическихъ образовъ. Королева въ „Гугенотахъ“, Джульетта въ „Ромео“, Церлина въ „Фра Дьяволо“ и Розалина въ „Севильскомъ Цырюльникѣ“—главныя изъ пѣтыхъ ею партій. Съ успѣхомъ выступала она и въ русскихъ операхъ, производя всегда одинаково прекрасное впечатлѣніе тонкой художественной игрой и филигранной обработкой своей музыкальной партіи.

М. А. Михайлова хорошо извѣстна всей Россіи, даже окраинамъ нашей страны, такъ какъ она часто ѣздила въ художественныя турнѣ по далекой провинціи. Была она, между прочимъ, и въ Японіи, гдѣ ее встрѣтилъ громадный успѣхъ. Послѣ концерта М. А. Михайловой въ Токио японцы заинтересовались русскимъ искусствомъ и стали приглашать къ себѣ преподавателей музыки и пѣнія изъ Россіи,—таковы были результаты художественной пропаганды талантливой артистки въ странѣ Восходящаго Солнца...

М. А. Михайлова уходитъ изъ Мариинскаго театра въ расцвѣтѣ таланта и силъ и отнюдь не отказывается отъ дальнѣйшей музыкально-художественной дѣятельности.

Послѣдніе дни Желтой имперіи.

(Политическое обозрѣніе).

Развязка приближается. Двоедушная политика Юаншикая, помогавшаго революціи въ качествѣ главы императорскаго правительства съ тѣмъ, чтобы послѣ ея торжества восторжествовать надъ нею и занять очистившееся послѣ отреченія династіи высокое мѣсто полновластнаго повелителя Китая,—увѣнчалась полнымъ успѣхомъ въ первой стадіи широко задуманнаго честолюбиваго плана. Послѣ побѣды имперскихъ войскъ, разгромившихъ революціонную армію подъ Ханькоу, ожидали взятія главнаго центра революціоннаго движенія—Учана. Сторонники революціи были подавлены понесенными неудачами, нѣкоторые полки, перешедшіе на сторону революціи, успѣли перейти обратно подъ имперское знамя, энергія защитниковъ Учана была подорвана. Генералу Фынгану оставалось нанести врагу еще одинъ рѣшительный ударъ—и революція была бы залита потоками народной крови, подобно тому, какъ такимъ же способомъ было подавлено въ прошломъ столѣтіи знаменитое возстаніе тайпинговъ.

Но странное дѣло: именно этого послѣдняго удара, который былъ нуженъ для завершения побѣды, Юаншикай и не позволилъ сдѣлать Фынгану. За свирѣпую расправу съ мирнымъ населеніемъ при взятіи Ханькоу побѣдитель былъ отозванъ въ Пекинъ и получилъ командованіе отрядомъ вѣрныхъ диктатору войскъ. Послѣ его отозванія военныя дѣйствія тотчасъ же прекращаются и затѣмняются мирными переговорами. Постепенно переговоры затягиваются, перемиріе продолжается на новые и новые сроки, разгромленной арміи дается время организовать и окрѣпить, побѣдившей арміи, оставшейся безъ командира (и безъ жалованья), дается время прийти въ разстройство. Когда перевѣсъ силъ пере-

шелъ на сторону революціи, Юаншикай сначала потребовалъ отъ императрицы-матери и принцевъ многомилліонныхъ пожертвованій на поддержаніе арміи, а получивъ желанные милліоны—потребовалъ формальнаго отреченія отъ престола. Чтобы лишить ее всякой возможности сопротивленія, онъ сосредоточилъ въ Пекинѣ шестнадцать тысячъ преданныхъ ему войскъ, добился отъ императрицы указа о разоруженіи пекинской гвардіи, протестовавшей противъ капитуляціи, и привелъ приказъ въ исполненіе съ помощью преданныхъ манчжурскихъ полковъ. Съ момента разоруженія гвардіи онъ сталъ полновластнымъ хозяиномъ столицы, получилъ возможность вынудить у императрицы окончательное отреченіе отъ престола и ликвидировать династію Дайцинговъ безъ пролитія капли крови.

Въ этомъ можно видѣть великую заслугу китайскаго дипломата. Тѣмъ не менѣе и самая плодотворная по своимъ результатамъ политика, основанная на измѣнѣ и предательствѣ, все-таки не способна привлечь нравственное сочувствіе, никому не покажется красивой и величественной. Она внушила огромное недоброустройство къ Юаншикаю всеѣмъ революціонерамъ. Глава ихъ, избранный временнымъ президентомъ, сперва предлагалъ пекинскому диктатору свой постъ президента, но потомъ пришелъ въ ужасъ отъ его восточнаго коварства и всенародно разоблачилъ его двойную игру, которая можетъ оказаться столь же опасной для народа, какъ была опасна для трона. Теперь, стоя во главѣ сѣверныхъ провинцій, располагая силами значительной арміи, съ нѣсколькими преданными ему дивизіями, китайскій Наполеонъ становится лицомъ къ лицу съ революціей и въ случаѣ разгрома послѣдней можетъ возродить разрушенную имперію подъ своимъ главенствомъ. Во имя сохраненія единства Китая онъ долженъ примириться съ революціонерами и признать ихъ власть, но соблазнъ честолюбія грозитъ побудить его на борьбу съ ними, которая разорветъ единый Китай на два враждующія государства—на южную республику и сѣверную монархію съ новой династіей, обезсилитъ Желтаго Дракона и ослабитъ опасность китайскаго нашествія на Европу.

Европейская дипломатія по чисто эгоистическимъ соображеніямъ не найдетъ поводовъ противодействовать раздѣленію Китая, такъ какъ видитъ въ этомъ самый вѣрный залогъ безопасности.

Миражи казеннаго націонализма.

(Вопросы внутренней жизни).

Гос. Дума закончила въ первомъ чтеніи обсужденіе холмскаго законопроекта. Въ самомъ началѣ преній въ первой статьѣ, посвященной этому вопросу, мы намѣтили единственно возможное, по нашему мнѣнію, рѣшеніе: „полное государственное сліяніе съ Россіей и полную же неприкосновенность національно-племенныхъ особенностей польскаго языка, вѣры, быта и культуры“. Поскольку вся исторія Польши сопровождалась систематической латинизаціей, проводимой высшими классами, постольку можно мечтать, что только подъ флагомъ Россіи возможно возрожденіе подавленнаго культурою Рима польскаго національнаго духа, моральное, религиозное и гражданское возрожденіе настоящей народной Польши, первымъ шагомъ къ которой служить учрежденіе національной польской церкви—маріавитовъ. Общность социальнаго и духовнаго строя славянскихъ народовъ не подлежитъ сомнѣнію. Она должна выразиться прежде всего въ общности социальныхъ стремленій. Но именно на эту почву и не слѣдуетъ стать дѣятели русско-польскаго сближенія.

Слабыя стороны его прекрасно выяснены рѣчью Маклакова, Шечкова, Павловича, Маркова, Покровскаго 2-го и другими ораторами всѣхъ фракцій, начиная отъ крайней правой и кончая социаль-демократической. Даже ораторы польскаго коло не дер-

М. А. Михайлова. По поводу 20-лѣтія артистической дѣятельности.

зали отрицать ни факта ополяченія русскаго крестьянства Холмщины ни экономического гнета польских помѣщиковъ надъ инославными батраками, но убѣжденно отстаивали существующее положеніе во имя историческаго права Польши.

Историческое право на угнетеніе вообще, особенно же право на угнетеніе официально господствующей народности, разумѣется, представляет собою несомнѣнный и слишкомъ яркій абсурдъ, въ который никогда не увѣруетъ русское общество. Но такъ какъ основою польскаго угнетенія русскаго крестьянства Холмщины является крупное польское землевладѣніе, несколько проектомъ выдѣленія Холмщины въ особую губернію не ограничиваемое, то весь проектъ защиты русскаго крестьянина однимъ переименованіемъ угнетеннаго польскими помѣщиками края въ новую губернію тѣмъ самымъ сразу утрачиваетъ всякій государственный смыслъ и практическое значеніе.

Марковъ 2-й откровенно призналъ, что весь холмскій законопроектъ цѣликомъ свидѣтельствуетъ о „нищѣтѣ законодательной мысли и законодательной энергіи“.

Деп. Щечковъ пророчески предсказалъ, что „одно обставленіе казенными столбами извѣстной территоріи несколько не улучшить положенія населенія“, поскольку оно не будетъ обезпечено земельными реформами. Деп. Павловичъ предупреждалъ, что земельное положеніе холмскаго крестьянства должно еще больше ухудшиться, такъ какъ неограниченное право скупки земель предоставлено и еврейскимъ и польскимъ помѣщикамъ. На ту же почву въ критикѣ законопроекта сталъ и деп. Маклаковъ. „Если на этотъ законопроектъ посмотрѣть съ дѣловой точки зрѣнія, то онъ поражаетъ своей безсодержательностью. Имъ вводится лишь техническая путаница, создается странная губернія, исключительная вотчина министра внутреннихъ дѣлъ. Въ коренномъ русскомъ государствѣ появятся нерусскій календарь, нерусскій Наполеоновъ кодексъ и несуществующая у насъ польская гмина.“

„Разстраняются наладившіяся административныя отношенія, тратятся большія деньги, и все это понапрасну, такъ какъ весь складъ жизни остался тѣмъ же, тѣ же власти, присланныя изъ Петербурга. Говорятъ, что въ Холмской Руси наблюдается денационалізація русскаго элемента. Да, послѣ всѣхъ преній слѣдуетъ признать этотъ фактъ справедливымъ. Дѣйствительно, въ Холмской Руси наблюдается нездоровое явленіе, подъ вліяніемъ какихъ-то условій тамъ гибнетъ русская національность. И если всякая денационалізація есть зло, то денационалізація русскаго элемента въ русскомъ государствѣ, хотя бы и на окраинахъ, есть явленіе, конечно, недопустимое. И я понимаю, что государственная власть должна протянуть братскую руку исчезающему тамъ русскому элементу. Но если съ этимъ зломъ бороться нужно, то нужно посмотрѣть, находятся ли въ соотвѣтствіи со зломъ тѣ мѣры, которыя предлагаются для его излѣченія. И то средство, которое предлагается—выдѣленіе Холмщины въ особую губернію изъ Царства Польскаго—не можетъ служить этой цѣли. Если бы источникомъ полонизаціи явилась въ краѣ польская власть, если бы Польша обладала государственной автономіей, то тогда такой способъ рѣшенія вопроса былъ бы умѣстенъ. Но вѣдь объ этомъ рѣчи нѣтъ. Царство Польское принадлежитъ къ составу русскаго государства, и польской администраціи тамъ не существуетъ. Имъ управляютъ русскіе чиновники по инструкціямъ изъ Петербурга по тѣмъ инструкціямъ, по которымъ они считали своей задачей руссифицировать поляковъ, а не полонизировать русскихъ. И поскольку остается тамъ та же власть, съ тѣми же инструкціями, выдѣлить часть Царства Польскаго въ особую губернію и оставить ее у той же власти, значитъ—не сдѣлать ничего, значитъ—слишкомъ мелко смотрѣть на причину полонизаціи. Оба главные сторонники этого проекта, еп. Евлогій и гр. Бобринскій, заявляютъ, что онъ отнюдь не агрессивный, что онъ лишь самозащита противъ поляковъ.“

„Комиссія вычеркнула тѣ мѣропріятія, которыя могли имѣть видимость руссификаціи. А если задачи власти въ Холмѣ поддерживать русское населеніе, то какой смыслъ его выдѣлять? Точно власть не обязана поддерживать его и безъ всякаго выдѣленія, поддерживать его и въ Царствѣ Польскомъ. Или вы думаете въ новой губерніи надѣлать власть какими-либо особыми правами для борьбы съ ополяченіемъ? Но если такія средства существуютъ, вы должны надѣлать ими всякую власть, гдѣ бы то ни было. Но какіе факторы полонизуютъ въ Холмской губерніи? Это, во-первыхъ, землевладѣльческій польскій элементъ, который держитъ въ экономической зависимости крестьянина. Экономическая зависимость можетъ вести къ подобнымъ послѣдствіямъ, и польскій помѣщикъ можетъ оказывать особаго рода льготы като-

ликамъ. Такъ поступилъ бы и русскій помѣщикъ, если бы онъ оказался въ польскомъ краѣ. Но чѣмъ вы помѣшаете этимъ послѣдствіямъ экономической зависимости по выдѣленіи Холмщины? Поскольку польское землевладѣніе тамъ останется, это вліяніе сохранится и въ новой губерніи. Никакой губернаторъ помѣшать этому не можетъ, если не покуется на самыя основы государственной жизни. Если вы хотите уничтожить это вліяніе, тогда уничтожьте право земельной собственности и предписывайте принудительное отношеніе между помѣщиками и арендаторами. Вы не можете и не захотите умножить польское землевладѣніе, но вы можете поддерживать русское: силѣ польскаго частнаго капитала вы можете противопоставить силу государственной казны. Вы можете предоставить православнымъ всякія льготы. Но для этого и не надо выдѣлять губерніи, это дѣлается и сейчасъ. Другой полонизирующий факторъ — польское католическое духовенство. Но вѣдь и съ нимъ вы ничего не можете сдѣлать и въ новой губерніи. Вы не приостановите въ ней дѣйствія ни 17 октября ни 17 апрѣля“.

Ораторъ социаль-демократической фракціи, Покровскій 2-ой, отвергая официальный русскій націонализмъ, способный ничего не предпринять для сохраненія русской народности въ Холмщинѣ, одинъ только изъ всѣхъ передовыхъ ораторовъ рѣшительно отказался стать на сторону агрессивнаго польскаго націонализма. Онъ предложилъ искать рѣшеніе русско-польскаго вопроса въ демократизаціи всего государственнаго строя Россіи, которая одна только можетъ обезпечить полякамъ свободу національнаго самоопредѣленія и свободу совѣсти и положить конецъ вѣковымъ мученіямъ польскаго народа.

Несмотря на отдѣленіе отъ центра группы октябристовъ въ лицѣ Анрепа и Хомякова, голосовавшихъ вмѣстѣ съ польскимъ коломъ, переходъ къ постатейному чтенію Холмскаго законопроекта принятъ значительнымъ большинствомъ голосовъ: 157-ми противъ 104-хъ.

Къ рисункамъ.

„Зимнее утро“ Г. Башинджагіана полно того таинственнаго и немного печальнаго настроенія, которымъ бываетъ обвѣяна зимняя природа. Жутко-холодно въ лѣсу зимою. Даже утромъ, въ часы пробужденія, все спитъ въ немъ, все мертво. И только заглохшая память подсказываетъ спящему лѣсу, что было время, когда онъ былъ полонъ солнечнаго блеска и весенняго шума. И только слабая надежда свѣтитъ ему: придетъ пора, и настанутъ новая жизнь и новая весна...

И. Ижакевичъ въ своемъ рисункѣ „Апостолъ Тимоѳей проповѣдуетъ въ Ефесѣ“ воскрешаетъ предъ нами яркія страницы исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Апостолъ Тимоѳей былъ ученикомъ Апостола Павла и, по его порученію, проповѣдовалъ христіанство въ знаменитомъ и богатомъ Ефесѣ, славившемся великолѣпнымъ храмомъ Діаны и пышными языческими празднествами, на которыхъ царилъ шумный разгулъ. Рисунокъ И. Ижакевича изображаетъ одно изъ проповѣдническихъ выступленій апостола Тимоѳея предъ языческой процессіей. Слово Божіе, проповѣданное здѣсь Тимоѳеемъ и самимъ апостоломъ Павломъ, создало въ Ефесѣ немало прозелитовъ христіанства предъ лицомъ могущественнаго и пышнаго язычества, которое еще процвѣтало тогда въ греческихъ малоазійскихъ колоніяхъ...

И вотъ прошли вѣка и вѣка, „измѣнилось лицо земли“, и вмѣсто язычества въ мірѣ торжествуетъ Христосъ. И тамъ, гдѣ царятъ между людьми любовь и согласіе, Онъ незримо является и говоритъ: „Миръ вамъ“. Объ этомъ говоритъ намъ изящная и прочувствованная картина А. Меррита, которая изображаетъ Христа, склоняющагося надъ трудовой и любящей крестьянской семьей...

Переживаемая нами эпоха исполнена юбилейныхъ воспоминаній объ Отечественной войнѣ и о предшествовавшихъ ей на Западѣ военныхъ событіяхъ. Однимъ изъ такихъ событій была знаменитая битва при Прейсишъ-Эйлау (7 и 8 февраля 1807 года). Въ этой битвѣ сражались русскія войска подъ начальствомъ Беннигсена съ арміей Наполеона. Въ концѣ боя къ русскимъ присоединился корпусъ пруссаковъ подъ начальствомъ генерала Лестока. Сраженіе по существу осталось нерѣшеннымъ, несмотря на крупныя потери, понесенныя обѣими сторонами. Но такъ какъ послѣ сраженія при Эйлау Наполеонъ былъ ослабленъ, и наступленіе его было остановлено, а его цѣль, заключавшаяся въ отбѣненіи насъ отъ русской границы, не была достигнута, то историки приписываютъ Беннигсену и Лестоку побѣду. Картина Р. Кнэтеля „Пруссаки при Эйлау“ изображаетъ моментъ соединенія прусскаго корпуса Лестока съ русской арміей.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Золотая паутина. Повѣсть В. А. Тихонова (Продолженіе). — Хамаль Гассанъ. Очеркъ изъ персидской жизни Н. Соловкина (Окончаніе). — Изъ дневника Пушкина. Незаданный отрывокъ. Н. Лернера. — Рисунки Пушкина. — Пушкинъ и Державинъ. Чарльзъ Диккенсъ. — Камъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Зимнее утро. — Апостолъ Тимоѳей проповѣдуетъ въ Ефесѣ. — „Миръ вамъ“. — Битва при Эйлау. — Къ 75-лѣтію дня кончины Пушкина. Пушкинъ на актѣ въ Лицеѣ декламируетъ стихи Державина. — Собственноручные рисунки Пушкина (7 рисунковъ). — Чарльзъ Диккенсъ (8 рисунковъ). — М. И. Фигнеръ. — М. А. Михайлова. — Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за февраль 1912 г.; 2) „ПАРИЖСНІЯ МОДЫ“ за февраль 1912 г. съ 37 рис. и отдѣльн. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 12 рис. выжиганія по дереву.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

КРАСОТУ

придаетъ иѣжное, чистое лицо, розовый юный видъ, бѣлая, бархатная кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица. Все это достигается настоящимъ

МЫЛОМЪ „КОНЕКЪ“

изъ молока лилин
Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ.
Кусокъ 50 коп. Можно получать вездѣ.
Требуйте только красную упаковку.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая конюшенная № 10.

БЕЗПЛАТНО
высылается каждому спиритуально-окулти.
романъ 4-3 35293
„ТАЙНА БѢЛОЙ СТѢНЫ“.
Москва, бл. храма Спасителя, д. Ковригина,
книжный складъ В. П. БЫКОВА.
Можно заказывать по телефону 91-37.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ „ФОРЪ“

красятъ волосы въ любой несмывае-
мый цвѣтъ, послѣ
чего ихъ можно
гофрировать, зави-
вать и пр. Гребень
совершенно без-
вреденъ. Перес-
налож. плат. шт.
2 рубля 50 коп.

БАЗАРЪ МАРКЪ, Сиб., Невск., 20, кв. 8

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 г. (8-й годъ изданія) на „СПИРИТУАЛИСТЪ“

12 книгъ въ годъ. Цѣна 2 руб. съ перес. Безплатную премію-книгу „Что должно знать каждой женщинѣ“, цѣна которой въ отд. продажѣ 3 р., можно получить при подпискѣ. Иногород. же будетъ разослана при № 1, желающіе получить ее сейчасъ благоволятъ высылать 60 коп. за пересылку.

Москва, бл. Храма Спасителя, д. Ковригина, редакція „Спиритуалистъ“.

КАЛОДОЛТ

Необходимый Зубной Кремь и Эликсирь

Сохраняетъ зубы бѣлыми, чистыми и здоровыми

Требовать вездѣ.

ГИТАРА

Заочныя лекціи для самообуче-
нія игрѣ высылаемъ бесплатно.
ТЮМЕНЬ, Тоб. г. Ред. „Аккордъ“.

ПОЧЕМУ МУЖЧИНЫ ПЬЮТЪ

Я былъ горькимъ пьяницей цѣлыхъ 20 лѣтъ, теперь бросилъ пить совершенно. Спасибо Вамъ за Вашъ добрый дружескій совѣтъ“.

МАТЕРИ И ЖЕНЫ,

я знаю, что вся тяжесть пьянства ложится на слабыя плечи женщины; она расплачивается за него разбитымъ счастьемъ и потеряннымъ здоровьемъ, а потому я хочу Вамъ помочь. Я объясню Вамъ, почему мужчины пьютъ и какъ излѣчить ихъ отъ этого ужаснаго порока у себя дома и даже безъ ихъ вѣдома.

ДАРОМЪ.

Мой совѣтъ помогъ тысячамъ, онъ поможетъ и Вамъ. Не откладывайте, напишите мнѣ сегодня. Я немедленно вышлю Вамъ свою книгу драгоценныхъ указаній, какъ бороться съ пьянствомъ, съ пояснительными художественными картинами въ текстѣ, бесплатно.

Мой адресъ:

Ш. ЛАСЛЕЙ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Екатерининскій кан., 12.

Отд. 3 /4.

НА БАЛУ

вечерахъ, въ театрѣ, концертѣ и т. п. слѣдовало бы всегда имѣть при себѣ карманный флаконъ № 4711 о-де-колоне съ сине-золотистымъ ярлыкомъ, такъ какъ онъ прелестно освѣжаетъ и замѣчательно прохладждаетъ.

Слѣдуетъ однако употреблять исключительно марку № 4711 на сине-золотистомъ ярлыкѣ, и никогда не другого о-де-ко-№ 4711 даетъ полную гарантію за абсолютную чистоту о-де-колоне, свободнаго отъ вредныхъ, недоброкачественныхъ веществъ.

Цѣна флакона:
60 коп., 1 руб.,
1 руб. 50 коп

36251

Eau de Cologne

Пріятнаго вкуса
легко переносится

СИРОЛИНЪ РОШЪ

Надежно дѣйствуетъ даже при застарѣлыхъ катаррахъ легкихъ, при кашлѣ, коклюшѣ, послѣ ИНФЛЮЭНЦЫ и воспаленія легкихъ

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ?

Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семик. мар. Адресъ: Киевъ, Южному 36273 Издательству, отд. 3. 5-1

Бывшій сотрудникъ „Bureau graphologique Paris“ анализируетъ **МУЖСКІЕ ПОЧЕРКИ** даетъ опредѣленный, характерный, образ. Графологическій анализъ 1 руб. (можно почт. марками). Адресъ: гор. Одесса, ул. Кондратенко, 3. ФРД. ПАВРСТИНЪ. 4-4

ОСТЕРЕГ. ПОДДѢЛ. ТРЕБ. НАСТОЯЩ. НАФТИНЪ
(ПОДСЫДНУЮ МАЗЬ)
ЗАВ. ТВО „НАФТА“ СПБ
Прод. во всѣхъ аптекахъ, магаз. и сельск.-хоз. склад. Россіи. ТРЕБ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

КНИГА ЧУДЕСЪ и ТАИНЪ.
Желаете ли вы обладать сверхъестественной силой? Знать удивительныя волшебныя свойства нѣкоторыхъ травъ и камней? Обладать талисманомъ любви? Знать магическія секреты любви? Узнать свою судьбу? Умѣть разгадывать сны? По лнїямъ рукъ читать судьбу и вообще обладать великими тайнами астрологии, оккультизма, хиромантии и черной и бѣлой магіи. Не смѣшивъ съ обыкновен. книж. фокусовъ, предлагаемъ подъ такимъ же назван. Цѣна съ перес. и налог. плат. только 1 р. 75 к. Съ заказ. обращат.: СПБургъ, 5-2 РОДЖЕРСЪ, Невскій, 60—3. 36185

КОСТЮМЪ за одинъ рубль
95 коп. высыл. почт. съ наклад. платеж. безъ задатка, отрѣзъ изъ 4 1/4 арш. на полн. прочный и элегантный мужск. костюмъ англ. трико Лондонъ въ двѣт.: черн., син., коричнев. и оливков. вмѣсто 5 руб. только за 1 руб. 95 коп., лучш. сор. 2 руб. 95 коп. Высыл. не менѣе 2-хъ отрѣз. сразу и за упаков. и перес. присчитыв. до 4-хъ отрѣз. 95 коп., въ Аз. Рос. и Сибирь 50 коп. дороже. При заказѣ больше 4-хъ отрѣз. упаковок. и перес. за счетъ фабр. **БЕЗЪ ВСЯКАГО РИСКА.** Не по нрав. Возвращ. деньги сполна. Адр. Т-ву **ФАБРИКАНТЪ, ЛОДЗЬ 7.** 36272 2-1
Прим.: 2 отрѣза дамскіе по 8 арш. высыл. на 1 руб. дороже.

ТОРГОВО-ФАБРИЧНОЕ Т-ВО **И. ВИНУКUROVЪ и И. СИНИЦКІЙ.** ДВУХЪ СТОРОННІЯ **ГРАММОФОННЫЯ** пластинки, „ГРАНДЪ“ 10 дюйм. Оригиналы (не копіровка) лучш. фабр. **ТОЛЬКО 15 КОПѢЕКЪ ПО 15 ЗА ПІЕСУ**
КАТАЛОГЪ ПЛАСТИНОКЪ БЕЗПЛАТНО
Фабр. складъ граммофоновъ и пластинокъ **С.П.Бургъ, САДОВАЯ, 29 и 35.**

КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ ЮБИЛЕЙНЫМЪ ТОРЖЕСТВАМЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!!
1812 100 ЛѢТЬ 1912 гр.
Заказано на память въ одномъ изъ лучшихъ художественныхъ заведеній міра многомилліонное количество худож. открытокъ писемъ. Снимки съ знаменитыхъ картинъ художника **В. В. ВЕРЕЩАГИНА:** НАШЕСТВІЕ НА РОССІЮ НАПОЛЕОНА I СЪ ЕГО ГРОЗНОЙ АРМІЕЙ. БИТВА ПОДЪ БОРОДИНО. ПОЖАРЪ МОСКВЫ. ВИДЫ ВСѢХЪ СРАЖЕНІЙ. ПОРТРЕТЫ ГЕРОЕВЪ. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ИЗЪ МОСКВЫ. ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ НАПОЛЕОНСКОЙ АРМІИ, и прочіе виды изъ Третьяковской галлерей, всего до ста сюжетовъ. Дабы таковыя были доступны каждому, назначая вмѣсто 4 р. 50 к. только 1 р. 8 к. за СОГНІЮ. При заказѣ 300 шт. сразу прилагаю четвертую сотню бесплатно. Высылаю съ наложеннымъ платежомъ по почт. Адресовать: Лодзь, 1-ое отд. худож. изд. **М. П. КАЦУ. Н.** 5-1

КОНФЕТЫ НАФЕ (Pâte de Nafé) ДЕЛАНГРЕНЬЕ
противъ **Нашля, Простуды и Бронхита**

Много денегъ зарабатывать мож. всякій всюду и вездѣ, научившись выдѣл. мыло и лампадное масло въ какихъ угодно пропорц. безъ оборудования и устройства только по моему руководству и рецептамъ. Товаръ обход. на 50% дешевле. Выш. нагр. и мед. на рус. и иностр. выставк. Треб. также агенты для продажи мыла и масла моего завода. Подр. иллюстриров. просп. высылаю за 1 семикоп. марку. Адр.: Одесса, № 49, мыловаренный заводъ Х. Когона.

ВНИМАНІЮ гг. РЫБОЛОВОВЪ-ЛЮБИТЕЛЕЙ!!

Вновь полученъ специальнымъ магазиномъ рыболовныхъ принадлежностей **Н. И. ПЕРЕШИВКИНА, МОСКВА, Моховая ул., № 15.**
Громадный транспортъ новостей рыболовного спорта непосредственно отъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ. Грандіозный выборъ всевозможныхъ рыболовныхъ принадлежностей вновь изобрѣтенныхъ собственной мастерской. Также имѣются: невода, сѣти, наметки и проч. По качеству товара дѣны виѣ конкуренціи. Продажа оптомъ и въ розницу. Собственное изданіе: иллюстрир. книга „**РУКОВОДСТВО КЪ УЖЕНОЮ РЫБЫ**“ И. Комарова, цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб. Прейс-курантъ иллюстр. бесплатно.

Гуныди Яносъ

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
НАИЛУЧШЕЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ
НѢЖНОЕ, ПРІЯТНОЕ, ВѢРНОЕ ДѢЙСТВІЕ. **ОТЛИЧНОЕ СРЕДСТВО** ПРИ ПРИВЫЧНОМЪ И СЛУЧАЙНОМЪ ЗАПОРѢ, ПРИЛИВѢ КРОВИ, — ОЖИРѢНІИ, РАЗСТРОЙСТВАХЪ ПИЩЕВАРЕНІЯ, БОЛѢЗНЯХЪ ПЕЧЕНИ и Т. П.
Пятидесятилѣтняя прантика доказала превосходство воды Гуныди Яносъ надъ всеми другими средствами этого рода.
Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ всего міра.

ВЪ 8 ДНЕЙ СТАЛА КОКЕТКОЙ.

Что болѣе всего дѣлаетъ женщину красивою?—Несомнѣнно, это прекрасныя, бѣлыя зубы. Такъ вотъ, прочтите слѣдующее:
«Господа. — Я употребляла **Дентоль**, какъ зубной порошокъ и полосканіе рта, только въ продолженіе 8 дней и по прошествіи этого короткаго времени зубы мои приобрѣли ослѣпительную бѣлизну. Я, конечно, буду продолжать употреблять Дентоль, дающій такіе быстрые и поразительные результаты. Подписала: Амели Балларжо, Маранъ (Деп-тъ Нижней Шаранты, Франція)».
Дентоль (эликсиръ, паста и порошокъ) есть средство для ухода за зубами въ высшей степени обеззараживающее и одновременно снабженное чрезвычайно пріятнымъ запахомъ и вкусомъ.
Будучи изготовленъ по способу, рекомендованному Пастеромъ, онъ уничтожаетъ во рту всѣ злокачественныя микробы, предупреждаетъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ излѣчиваетъ порчу зубовъ, воспаленіе десенъ и горловыя боли; въ нѣсколько дней онъ придаетъ зубамъ ослѣпительный блескъ и бѣлизну и уничтожаетъ зубной камень.
Послѣ его употребленія во рту надолго сохраняется ощущение пріятнѣйшей свѣжести. Его обеззараживающее отъ микробовъ дѣйствіе удерживается во рту **не менѣе 24 часовъ.**
Дентоль, положенный въ зубъ на кусочекъ ваты, моментально останавливаетъ самыя сильнѣйшія зубныя боли.
Дентоль находится въ продажѣ во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ: **Торговый Домъ Фреръ, 19, улица Жакобъ, Парижъ.**
Депозитъ въ С.-Петербурѣ: Аптек. складъ В. Бюлеръ, Кузнецкий пер., 1—2. Штоль и Шмидтъ. Рус. Общ. Торг. Аптекар. товар., Казанская, 12. Центр. Аптек. депо Б. Шаскольскаго, Невскій, 27. Аптек. Складъ А. Н. Абрамсонъ, Невскій, 101. Торг. домъ Чекушкинъ и Ко, Садовая, 38. Е. Пузынь, аптекар. мар. Петербургское Общество склада аптек. тов., Екаторингоф. просп., 47. Г. Пузынь, аптекар. депо, Литейный пр., 21.

АМЕЛИ БАЛЛАРЖО.

Экзаменъ. Брош. „Памятка экстерна и учащаго С. С. Рѣшетникова, со стат. проф. К. О. Жакова, ц. 25 к., выс. по пол. денегъ (можно 1 к. м.). Важное родит. Смѣлов, Полт., 3 а, С. С. Рѣшетникова.
Полная арифметика для гимназій и самообуч. 4-е изд. Ц. 70 к. Легкіе приемы счисленія, дѣленія, дроби, %, векселей, цѣны. Бумага, 20 метод. рѣш. зад. и масса упрощеній. Краткая Ар-ка для училищъ и самообуч. Ц. 30 к. Нал. пл. 50 к. Обѣт. пл. 1 р. 30 к. Особо полезны учителямъ и малоуспѣвающимъ. Отзывы печати и списокъ 60 матем. пособій при книгахъ. Треб. у Сытина, Думнова, поселинъ и у автора: Г. г. Владиміръ, Студеная, А. П. Виноградову.

LE RÊVE de GABILLA
пріятныя и устойчивыя **ДУХИ**
ВЪ ИЗЯЩНОМЪ ФЛАКОНѢ въ греческомъ стилѣ и въ ларчикѣ съ вышивками по образцу изъ музея Клонн **GABILLA**
25, B^e Poissonnière, Paris.

2 Пары БОТИНОКЪ За 5 р. 50 коп.

Мужскіе или дамск. шнур. новѣйш. фас., на шпильк. подш., прочн., элег., стоящ. преж. 15 руб. Кожа черн. или коричн. Указ. № носим. ботин. или № гал. Заказы исп. нал. пл., безъ задат. Перес.—75 к., въ Сибирь—1 р. 15 к. При зак. 4-хъ паръ пер. за нашъ счетъ. Неподход. приним. для обмѣн. или возвр. денегъ. Адресов.: ЛОДЗЬ, почт. ящикъ 129, **Ш. РОЗЕНТАЛЬ.**

LOTION DEQUEANT
ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РЪСНИЦЫ
Умываніе Людвигъ Декантъ. Средство для роженія волосъ прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возвращаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія красокъ, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. *Свѣдѣнія бесплатно.* Высылается безвозмездно извлеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ. Письменно и лично: **L. DEQUEANT, Ph^{ic} 38, rue Clignancourt, Paris.** Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

За 2 Р. съ перес. 30 книгъ
всего 1639 страницъ.
„ВСЯ РОССІЯ“.
Энциклопедическая бібліотека имѣетъ цѣлю познакомить читающую публику съ Россіей въ очеркахъ, снимкахъ и биограф. великихъ людей. Высылаетъ книжный магазинъ **Л. и Н. Югансонъ,** Харьковъ, Московская, 19. Каталоги книгъ бесплатно.

„PILULES MARBOR“
(ПІЛЮЛИ МАРБОРЪ)
Эти пилюли благотворно отражаются на здоровьи, онѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ для развитія, укрѣпленія, придаютъ соразмѣрность, граціозную полноту, въ то же время не утолщая тали. Флаконъ съ наставлен. 3 р. 50 к. фран.
PILULES MARBOR
5, Passage Verdeau, 5
12-3 Paris.
Депозитъ въ С.-Петербурѣ: Аптекар. В. Бюлеръ, 49, Невскій пр., въ Москвѣ — аптека Брунсъ, Маросейка; въ Киевѣ, аптека Юрота; въ Тифлисѣ — Парфюм. магаз. I. Б. Сегалъ; въ Вильнѣ и Одессѣ, Гаванная, 9.

2-ое ИЗДАНИЕ КНИГИ:
Д-ръ Н. В. СЛЕТОВЪ
ПОЛОВАЯ НЕВРАСТЕНІЯ,
 ЕЯ ПРИЧИНЫ И ЛЪЧЕНІЕ,
 значительно дополненное, съ 23 рис.;
 ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Прод. въ
 лучших книжныхъ магазинахъ.
 Складъ изданія у автора:
 Москва, Садовая-Триумфальная, с. д.

БРЮКИ РЕЙТУЗЫ

за 2 р. 90 к. изъ прочной диаго-
 нали, хорош. шит., цвѣта: черн.,
 т.-и св.-син. и зеленый. Указати
 длину брюкъ, шага и объемъ пояса.
 Высыл. почтой налож. плат. безъ
 задатка. За перес. 55 к., въ Си-
 бирь 75 к., при выпискѣ 3 брюкъ
 перес. за нашъ счетъ. Не погр.,
 возвращ. деньги. Адр.: ЛОДЗЬ,
 почт. ящ. 562. Товаршеству
 „ФАБРИКАНТЪ“. 7. 36271 2-1

Хорошіі побочный заработокъ

можно имѣть по-
 средствомъ виза-
 ния на нашихъ но-
 выхъ автоматиче-
 скихъ визальныхъ
 машинкахъ. Легкая и скорая
 работа въ тече-
 ніе цѣлаго года
 дома у себя. Пред-
 варит. познанія
 не требуются. Раз-
 стояніе не
 препятствуетъ и
 мы покупаемъ готовую работу.

Требуйте проспектъ.
Т-во ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
ТОМАСЪ, Г. ВИТТИКЪ, КЮНАУ и Ко.,
 Вознесенскій пр., 21, деп. 1. 36217

Г-жа САРА БЕРНАРЪ, Парижъ, пишетъ:

„Г-нъ Лейхнеръ. Я очень счастлива, что
 могу принести Вамъ благодарность за Ваши
 прекрасные фабрикатъ.
 „Я никогда болѣе не буду употреблять дру-
 гой театральной парфюмеріи и только Вамъ
 буду посылать изъ Парижа свои заказы.“
 Такая блестящая рекомендація указываетъ
 на большой успѣхъ пудры и гриммировокъ
 Лейхнера.

Особенно рекомендуемъ:
ЖИРНУЮ ПУДРУ ЛЕЙХНЕРА.
 Эта прекрасная пудра для лица для ежедне-
 ваго употребленія, она незамѣтна на лицѣ
 и придаетъ ему интересную красоту, восхи-
 щающую весь міръ.
 продается вездѣ. 35404 10-9

Главн. складъ для Россіи у Т-ва „С.-Петер-
 бургская ТЕХНО-Химическая Лабораторія“

Составлено
 подъ августайшимъ
 покровительствомъ государыни императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ

ПОПЕЧАТЕЛЬНОСТЬ
 для сбора
 пожертвованій на
 ремесленное
 образованіе
 бѣдныхъ дѣтей

ПРОСИТЬ
 всѣхъ жертвовать
НЕВУЖНЫЯ
ВЕЩИ
 обременяющія
 всякое
 ХОЗЯЙСТВО
 СОБИРАЕТЪ ТОЛЬКО ТО,
 ЧТО НИКОМУ НЕ НУЖНО.

Просить ничего не снимать и ничего не
 бросать въ мусорный ямы, все будетъ принято
 съ благодарностью.
 По каждому требованію присылаетъ артель-
 щина, который обязанъ жертвователю выдать
 квитанцію, канъ бы мало пожертвованіе не было.

Тарасовъ пер., 26-а.

**ИДЕАЛЬНОЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ
 ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ И ДѢТЕЙ.**

Никуда негодную поддѣлку и фальсификаты содержатъ всѣ тѣ коробки, которыя не
 снабжены синей бандеролью съ русской надписью и на которыхъ внизу на крышкѣ не
 помѣщена фирма **Dr. Bayer és Társa Budapest.** Коробка 65 коп., во всѣхъ аптекахъ.

БЕЗПЛАТНО
 Высылаемъ нашъ ровый иллюстрированный
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ граммоф., „Театр.
 иллюз.“ швейн. машинъ, велосипедовъ и др.
 на русскомъ языкѣ.
 Требуйте его по адресу:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ „Х. ФИНКЕЛЬШТЕЙНЪ“
ГЕРМАНИЯ, БЕРЛИНЪ Кантъ ул. № 120.
 Exporthaus „H. FINKELSTEIN“, BERLIN—Ch., Kantstrasse № 120.
 P. S. Письма оплачиваются 10 к. маркой, открытыя — 4 коп

ВО ВСѢХЪ СЛУЧАЯХЪ.
 когда требуется искусственное вскармливаніе, лучшей замѣной материнскаго
 молока для грудныхъ дѣтей со дня рожденія является

ПИЩА „АЛЛЕНБЭРИСЪ“
 Фабрики „ALLEN & HANBURYS LTD“, London.
 Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Висбаденъ, Майнцерштрассе, 3.
Санаторія Д-ра Пауля Гурадзе
Хирургическо-ортопедическая частная клиника
 Лѣченіе неправильностей и искривленій: кривошеи, искривленій позвоночника,
 врожденнаго вывиха тазобедреннаго сустава, искривленій ногъ (въ видѣ
 буквъ X и O), косолапости, плоской стопы и проч.; новообразованныхъ и застарѣ-
 лыхъ переломовъ и вывиховъ, болѣзней костей и суставовъ (воспаленіе тазобедрен-
 наго и колынаго суставовъ); разстройства двигательныхъ функций и параличей.

*Рентгеновскій кабинетъ. Медико-механическія залы. Орто-
 педическія мастерскія. Всевозможныя ванны и физическіе
 методы лѣченія.*

Вновь устроены: эманаторій радія для лѣченія подагры,
 ревматизма, ишіаса и невралгій.

Требуйте проспекты.

Боли желудка, постоянный запоръ, лишаютъ насъ удовольствія, до-
 ставляемаго хорошей ѣдой.

„СКАВУЛИНЪ“
 слабительное въ формѣ конфетъ безъ запаха и вкуса, укрѣпляетъ
 желудокъ, очищаетъ кишечникъ, устраняетъ приливъ крови къ пе-
 чени и излѣчиваетъ запоръ самымъ надежнымъ образомъ.
 Конфеты „СКАВУЛИНЪ“ принимаются вечеромъ, дѣйствуютъ во
 время сна и къ утру вызываютъ хороший стулъ.
 Онѣ не раздражаютъ, не возбуждаютъ и не внушаютъ отвращенія.
 Продается: Штоль и Шмидтъ, ул. Гоголя, № 11 и въ фармацевтич.
 Обществѣ, Казанская ул., № 12.
 Цѣна за коробку — 1 рубль.

**Kyffhäuser Technikum Frankenhau-
 sen (Германія).** Электр., машиностр., же-
 лѣзостр., архитект. I Подтехническій
 36150 Институтъ сельско-хоз. машинъ. 17-3
 Больш. машин. лаборат.

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ
 20,000 различныхъ, гарантиров. настоящихъ.
 Превосходи. выборъ марокъ высылаетъ по
 желанію коллекционерамъ со скидкой отъ
 40—60% ниже всѣхъ каталоговъ:
А. Вейсъ, Вѣна (Австрія), I, Адлергассе 8.
 Покупка и обмѣнъ марокъ.

Готовый шерстяной костюмъ
 за 4 руб. 95 коп.

Высылаю по почтѣ нал.
 плат. безъ задатка готов.
 костюмъ однопортн. или
 2-хъ портн., состоящій
 изъ пиджака (на хорошей
 подкл.), жилета и брюкъ,
 сшитыхъ по послѣдн. модѣ
 изъ хорошей, прочной,
 шерстяной матеріи, ан-
 глийскаго шевіота. Цвѣта:
 черныи, т.-синій, корич.
 и оливковый. Высыл. въ
 слѣдующ. размѣрахъ: 44,
 46, 48, 50, 52. Упаковка
 и перес. 75 коп. Въ Си-
 бирь 1 р. 15 коп. При
 заказѣ 3-хъ или болѣе
 костюмовъ пересылка за
 счетъ фирмы. Безъ риска.
 Полн. руч.: если не понрав.
 приним. обратно. Требо-
 ванія адресов.: г. ЛОДЗЬ,
 почтовый ящикъ 129, фа-
 брикѣ Ш. РОЗЕНТАЛЬ.

Я БЫЛЪ ЛЫСЫМЪ!

**МОЕ СРЕДСТВО
 ДЛЯ
 РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ**
 лучшее изъ всѣхъ; оно дѣйствуетъ
 во всѣхъ случаяхъ.
 Въ доказательство своихъ словъ
 я вышлю каждому и каждой недо-
 вольнымъ ростомъ своихъ волосъ
 по полученіи семи семи коп. марокъ
 на пересылку большую
ПРОБНУЮ БАНКУ
 I КУС. ГОЛОВ. МЫЛА
 I ПОРОШОКЪ ДЛЯ
 ОЧИЩ. ГОЛОВН. КОЖИ
 И ВСѢ НАСТАВЛЕНІЯ

Эти снимки показываютъ, какъ
 недостатокъ волосъ измѣняетъ на-
 ружность, возрастъ и т. д. Муж-
 чины и женщины, которые пренебре-
 гають уходомъ за своими воло-
 сами, прежде времени кажутся ста-
 рыми. Тысячи русской публики вы-
 разили свое полнѣйшее удовлетво-
 реніе благотворнымъ и чудесн.
 дѣйствіемъ произведеннымъ на
 ростъ ихъ волосъ моимъ сред-
 ствомъ для рощенія волосъ.

ТРЕБУЙТЕ ПРОБУ СЕГОДНЯ
ДЖОНЪ КРАВЕНЪ БЕРЛЕЙ
 СПБ., Невскій, 13 деп.-32.
49 к.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Гёте. „ФАУСТЪ“. Большое роскошно-иллюстр. издание in-folio. Перев. А. Фета, съ 25 эстампами, гравирован. на мѣди, и 132 гравюрами на деревѣ по рис. Энгельберга Зейберта, исполн. знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альейеромъ, Зигле и друг. Цѣна 16 р., съ перес. 17 р. 25 к.; въ роскошн. перепл. 20 р., съ перес. 21 р. 50 к. Въ шагр. перепл. 24 р., съ перес. 25 р. 50 к. Обще-доступное издание безъ рисунковъ, въ 16-ю д. л., въ 2-хъ ч. Ц. за обѣ части (923 стр.) 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб. Ц. 1 ч. 75 к., съ перес. 1 руб. 2-я часть отдѣльно не продается.

Мильтонъ, Джонъ. ПОТЕРЯН-НЫЙ И ВОЗ-ВРАЩЕННЫЙ РАЙ. Большое роскошно-иллюстрир. издание in-folio. Съ 50-ю превосходно исполнен. картинами Густава Дорэ. Изданіе 2-е. Перев. А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англ. текстомъ и съ биографіею Мильтона. Цѣна изданія въ 12-ти выпуск. 12 р., съ перес. 13 р.; въ бо-гатомъ перепл. 16 р., съ перес. 17 р. 50 к.

„Непокупное“. Повѣсть П. Н. По-левого съ 55-ю рис. Е. П. Самокиши-Судковской. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Толстой, Л. Н. „ВОСКРЕСЕНІЕ“. Романъ въ 3-хъ част. съ рис. Л. О. Пастернака. Книга из-дана изящно, на хорошей бумагѣ. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 коп.; въ переплетѣ 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 30 коп.

Шишкинъ, Ив. Ив., проф. „60 собственноручно травленныхъ художни-комъ на мѣди, съ прилож. портрета Ив. Ив. Шишкина. Альбомъ заключенъ въ рос-кошную папку, тисненную золотомъ и красками. Цѣна альбома: 1) на эстампной бумагѣ—25 р., 2) на китайской бумагѣ—50 р. и 3) на японской бумагѣ—100 р. За пересылку въ Европ. Россію—1 р., а въ Азіатск. Россію за 15 фунт.

Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Для врачей и публики. Соч. д-ра мед. А. МОЛЛЯ. Перевелъ съ нѣмецк. обработалъ и снабдилъ при-мѣчаніями д-ръ мед. Я. Т. Левенсонъ. Съ приложеніемъ статьи М. С. Уварова о положеніи общественной медицины въ Россіи. XII+414 стран. in 8°. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.; въ перепл. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ

общедост. ЗАОЧНЫЕ самообраз. ПРОГР. 2-ая итальян. и америк. коммерч. ариметика, комм. кор-респонд., комм. географ., товаровѣд., сло-варь комм. словъ, курс правописанія, каллигр., конт. скороп., исправл. почерка. АТТЕСТАТЪ БУХ-ГАЛТЕРА. Отзвы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. Прогр. пробн. лекц. выс. БЕЗПЛАТНО Книг. „Круг. Самообр“. Спб., Невскій 92-11

Конторскую Скоропись, рондо, готикъ обучаю заочно каждаго въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ исправляю самый дурной почеркъ. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и усло-вія. Одесса, Професс. Каллиграфіи Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

Разрѣшен. Киевск. Учебн. Округ. курсы БУХГАЛТЕРІИ А. П. БОБЫРЯ, въ Киевѣ (существуютъ съ 1894 года) скоро и основат. выучив. всѣхъ посред. переписки, замѣняющ. устн. преподав. 30237 Условія высылаются бесплатно. 4-1

Подарокъ къ Св. ПАСХѢ! Разъ въ жизни! Громадный СЮРПРИЗЪ! 600 предметовъ 3 р. 90 к. только

- 1. Отрѣзъ въ 4 1/4 аршина на полный муж-ской костюмъ, трико „Франція“.
2. Пара элегантныхъ серегъ изъ амери-канскаго золота, украш. имит. брилліантами или драгоц. камнями.
3. Прелестное дамское кольцо, украш. дра-гоценн. камнемъ.
4. Элегантная мужская цѣпочка изъ аме-риканск. золота.
5. Чудный литарный мундштукъ.
6. Чудн. дамск. кольцо (ожерелье) со мно-гими ориент. жемчужинами съ патент. за-стѣжкой.
7. Элегантная мужская шпилька для гал-стуха, украш. чудн. жемчужной или дра-гоценн. камнемъ.
8. Чудная дамская брошь, украш. сплош. им. брилліантами.
9. Чудн. мужское кольцо, украш. драго-ценнымъ камнемъ.
10. и еще 590 интересныхъ и полезныхъ предметовъ. За всѣ 600 предметовъ, вклю-чая костюмъ, считаемъ только 3 р. 90 к. (вост. въ отдѣл. стоятъ эти деньги).
Высылаемъ по почтѣ наложен. плате-жомъ безъ задатка Пересылка 55 коп. При высылкѣ 3-хъ или болѣе гарнитуровъ пере-сыла на счетъ фирмы. Безъ риска. Не-понрав. приним. обратно и возвращ. деньги сполна. Адресъ:

И. Г. РОЗЕНТАЛЬ, гор. ЛОДЗЬ, почт. ящ. 14, № 84.

Фотографическіе аппараты

наилучшей конструкціи, усовершенств. предлагаемъ изъ нашего склада по выгоднымъ цѣнамъ. Новѣйшія модели первокласснаго качества. Цѣны обозначены въ рубл. съ упол. пошл. и пересыл. по почтѣ. Но-вѣйшіе каталоги высылаются бесплатно. Запрashi-вайте на откр. за 4 коп.

ПАВЕЛЬ ЭРФУРТЪ и К°, Берлинъ, W. 50, Прагерштрассе, 22. PAUL ERFURTH & Co, Berlin, W. 50, Pragerstr., 22.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ по небывало дешевой цѣнѣ 10,000,000

художеств. отк. писемъ изящной заграничной работы: пасхальн., любви, сцены, женск. головк., ландшафты, пейзажи, Третьяков. гал-лерей, парижскій салонъ и др. интересные виды. Для образца высылаю по почтѣ 100 штукъ за 1 руб. 25 коп., за 200 шт.—2 руб. 25 коп., за 300 шт.—3 рубля съ наложен-нымъ платежомъ. Каждая сотня имѣетъ 100 различныхъ рисунковъ. При заказѣ сразу большой партіи — большая скидка. Полный иллюстр. прейсъ-куррантъ высылаемъ съ за-казомъ. Адр.: Эксп. дому Художеств. отк. писемъ Зигмунта Розенталя, г. Лодзь, № 84.

ИЗВѢСТНЫЙ ПОВСЮДУ 21 г. практ. ПРОФЕССОРЪ ОККУЛЬТИСТЪ-ПСИХОЛОГЪ, Ю. А. Шавель:

Лично и заочно по при-слан. фотогр. карточк. и почерку опредѣл. прош., настоящ. и будущее. (Не-обходим. сообщить имя, годъ, мѣсяцъ и число рожд.). Гипнотизм. Магне-тизмъ; полезн. совѣты, ТЕЛЕПАТИЧЕСКОЕ ВЛІЯНІЕ НА ЧЕЛОВѢКА въ ЦѢЛЯХЪ ДОСТИЖЕНІЯ ЖЕЛАЕМОГО — (заочное внушеніе).

Подробности писемъ, на отвѣтъ марку. Сеансы лично 1 р., заочно 3 руб. (Им. ты-сячи благодарностей отъ поств. и прессы). Я ШАВЕЛЬ выпуст. въ свѣтъ книгу нов. практ.

„АСТРОЛОГІЯ“. Рѣдчайшее сочиненіе, по котор. кажд. легко можетъ узнать свою и другихъ СУДЬБУ: найти свою звѣзду и путь къ БОГАТСТВУ и ПОЧЕТУ. Цѣна съ перес. 1 р. 25 к. Петербургъ, Ни-колаевская, № 10, кв. 21. Тел. 175-39. Отд. № 81.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22

Француженокъ, англичанокъ, нѣмокъ вы-писываетъ изъ собствен-ныхъ бюро въ Парижѣ, Лондонѣ, Германіи первораз. контора Ясинской, Варшава, Влади-мирская, 19, реком. учителей и учительницъ.

10 РУБЛЕЙ ЕЖЕДНЕВНО Легкій заработокъ лицамъ обоого пола. Пришлите Вашъ адресъ. Об-щество „Меркурій“. Лодзь, отд. 9.

Сѣмяный магазинъ Т. Лауберъ. С.-Петербургъ, М. Конюшенная ул., д. 5. Честь имѣю сообщить почтеннѣйшей публикѣ о выпускѣ на 1912 годъ новаго каталога свѣжихъ огородныхъ, луговыхъ, цвѣточныхъ и древесныхъ семянъ, кото-рый по желанію пересылается бесплатно.

ДАМЫ, которыя должны беречь свое здоровье, пусть читаютъ нашу брошюру „Вкладъ въ Гигіену Брака“, оставлена извѣстн. врачами. Всѣми врачами одобрено. Наилучшее изъ нынѣ существующ. На пересыл. приложить двѣ 7-ми коп. марки. МОСКВА, Козицкій пер., домъ Бахрушина, кв. 170. „НАССОВІА“

ВЫПИСЫВАЙТЕ УДОБРЕНІЕ ЗЕМЛИ изъ парового фосфоритн. завода М. ВАСИЛЬЕВА ст. Сѣщинская, Р.-Ор. ж. д. Прейсъ-кур. высыл. бесплатно. Удобреніе одной десятины съ провозомъ до 1000 верстъ стоить 10 руб., повышается урожай еже-годно отъ 45 пуд. до 80 пуд. съ десятины. Дѣйствуетъ на три года.

Современныя машины и формы для производства цементныхъ издѣлій. Машины для кирпичей изъ бетона. Машины для черепицъ изъ бетона. Машины для пустотѣлыхъ строи-тельныхъ камней изъ бетона. Прессы для плитъ для улицъ и домовъ. Формы для трубъ, ступеней и т. д. Мѣшалки для раствора и бетона. Камнедробилки для уличн. щебня. МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ Д-ръ ГАСПАРИ и К°, Маркранштедтъ (ГЕРМАНІЯ). Новый каталогъ № 280 бесплатно.

МИКРОСКОПЫ цвѣтныя схемы микроскопа въ разрѣзѣ, съ цѣ-нами, высылают-ся по первому требованію бесплатно. Весьма поучительно и интересно для учащихся!!! ФАБРИКАНТЪ оптическихъ приборовъ Ив. Як. УРЛАУБЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 27.